# А.В. Чаянов. Эволюция аграрной мысли в России с 1908 до 1930 г.: на перекрестке[16]

**Базиль Кербле**

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-4-17-68

Александр Васильевич Чаянов — имя хорошо знакомое целому поколению агрономов и экономистов, которые сразу после Столыпинской реформы и до коллективизации взяли на себя тяжкое бремя ответственности за то, чтобы поставить традиционное крестьянское хозяйство на новые рельсы и создать кадры для этой новой агрономии; имя сегодня почти забытое, как в СССР, так и на Западе[17]. Если мы сочли полезным посвятить его памяти несколько страниц, то не только потому, что труды Чаянова, представленные шестью-десятью книгами и брошюрами, не считая множества журнальных статей, многих десятков исследований и выступлений по агрономическим вопросам в России в эпоху революции, обнаруживают теоретическую и практическую зрелость, но еще и потому, как это показал Даниель Торнер (Daniel Thorner), что вопросы, поставленные нашим автором еще 30 лет тому назад, сохраняют для развивающихся стран, где крестьянское хозяйство является преобла-

16. Автор хотел бы поблагодарить профессора Даниэля Торнера, который является вдохновителем этого исследования и благодаря сотрудничеству с которым оно было успешно завершено. Профессор Саймон Кузнец и д-р Шлёмер были рады предоставить нам некоторые книги Чаянова из их личной библиотеки.

17. Среди современных советских авторов С.М. Дубровский в книге «Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России» (М., 1961. С. 358) ограничивается упоминанием его имени вместе со статьей в «Большевике» (№ 3–4. 1924), в которой осуждается теория Чаянова; А.Л. Вайнштейн в «Народном богатстве и народнохозяйственном накоплении предреволюционной России» (М., 1960. С. 469) и Н.А. Свавицкий в «Земских подворных переписях» (М., 1961, переиздание книги 1926 года. С. 352) являют редкие примеры обращений к книгам Чаянова. На Западе С. фон Дитц в статье «Peasantry» («Encyclopedia of Social Science», t. 12. p. 52), Н. Георгеску-Ройген (Georgescu-Roegen) в «Economic Theory and Agrarian Economics» (Oxford Economic Papers, vol. XII, p. 1–40, февраль 1960), А. Гершенкрон в «Bread and Democracy in Germany» (Беркли, 1943. С. 192), Наум Ясный в «The Socialized Agriculture of the U.S.S.R.» (Стенфорд, 1949. С. 27, 242–246, 429), М.М. Ростан в «The Famulus, The Estate labourer in the Twelfth and Thirteenth Centuries» (Приложение к № 2 «Economic History Review»), Л. Волин в «The Russian Peasant from Emancipation to Kolkhoz» («The Transformation of Russian Society». Гарвард, 1960. С. 292–310) отмечали значение работ Чаянова.

дающим сектором, всю свою актуальность[18]. Даже в СССР, как мы увидим в заключение статьи, проблемы им выдвинутые еще до сих пор полностью не разрешены. Таким образом, мысли Чаянова — это перекресток, где встречаются как историки, так и исследователи славянских стран, интересующиеся развитием аграрных учений в России в начале XX столетия. Экономисты и социологи найдут в русском опыте как теорию крестьянского хозяйства, так и ответы на интересующие их конкретные вопросы.

## I. Человек

Данные о жизни Чаянова, которыми мы располагаем, слишком разрозненны и неточны, чтобы по ним можно было составить его curriculum vitae. Известно, что он родился в 1888 г., но неизвестны обстоятельства и год его смерти[19].

В то же время множество работ, оставленных Чаяновым, дают нам возможность наметить генезис широкого круга вопросов, им охваченных, и угадать личность автора. Человек культурный: он не только интересуется разными сторонами экономики, социологии и аграрной политики, его интересы распространяются и на искусство, на литературу и историю. Он пишет пьесы для театра, фантастические романы под разными псевдонимами[20]. Ум широко открытый для восприятия окружающего мира: его работы, питаемые частыми поездками за границу[21], обнаруживают близкое знакомство с западными мыслями. Эти черты присущи большой части интеллигенции его поколения, что дает нам право предположить, что он не крестьянского происхождения[22]. Во всяком случае, в проти-

18. *Thorner D.* L'économie paysanne, concept pour l'histoire économique? // Annales. Paris, 1964, no 3, p. 417–432.
19. Большая советская энциклопедия (последнее издание) не указывает дату его смерти, обращаясь к читателям с просьбой сообщить более подробную информацию об этом. Д-р Шлёмер, который был немецкоязычным переводчиком нескольких книг Чаянова, любезно сообщил нам, что последнее письмо, полученное от автора, датируется 1932 годом и прислано из Алма-Аты (Казахстан). [А.В. Чаянов расстрелян 3 октября 1937 г. В Большой советской энциклопедии (2-е и 3-е изд.) статьи о Чаянове не найдено].
20. Х. Ботаник, Московский ботаник Х, Иван А. Кремнев.
21. Его первые поездки в 1908 году привели его в Ломбардию, чтобы изучать ирригацию, и в Бельгию, чтобы познакомиться с организацией кооперативов; его последняя поездка за границу состоялась в 1928 году в Берлин для подготовки немецкого издания его исследования о размерах сельскохозяйственных предприятий («Die optimalen Betriebsgrössen in der Landwirtschaft». Berlin, 1930). Книга B. Seebohm Ruwntree «Land and Labour: lessons from Belgium» (MacMillan, London, 1910), показывает важность кооперации в Бельгии (с. 225–254) в тот период, когда Чаянов интересовался ее развитием.
22. Чаянов происходил из мещанско-купеческой семьи. — *Ред.*

воположность аристократам-дилетантам или эстетам, которые удалялись от действительной жизни, Чаянов ставит на службу крестьянству весь свой ум и все свое благородство. Это не «хождение в народ» романтиков-идеалистов, это — объективный анализ действительности и немедленное приложение полученных результатов в практической работе.

Блестящий и щедрый ум, когда он был назначен ассистентом при кафедре политической экономии в Петровско-Разумовской с[ельско]х[озяйственной] академии[23], он уже опубликовал 13 работ. Его доклады были замечены на различных аграрных и кооперативных съездах начиная с 1910 г. В 1919 г. его назначают директором семинара с[ельско]х[озяйственной] экономии, [который затем станет Институтом сельской экономики]; он сохранит руководство до 1930 г.[24] Наделенный способностью глубоко проникать в сущность вещей, он с редко встречающейся легкостью переходит от экспериментальных наблюдений к теоретическим обобщениям и от этих обобщений к практике.

## II. Место «организационной» школы в эволюции аграрных учений в России

Чтобы поддержать диалог между жизнью и теоретическими исследованиями, эволюция быстрая, а подчас и драматическая, предлагает Чаянову множество размышлений и исключительные опыты. Годы, предшествующие Первой мировой войне, период войны и революции, годы НЭПа, потом начало коллективизации — являются удобными вехами, по которым легко проследить за формированием идей, захватывающих Чаянова, и в особенности за эволюцией его теории крестьянского хозяйства.

В то время как в продолжении XVIII в. и приблизительно до 1880 г. русский агроном обслуживал исключительно большие дворянские поместья[25], с начала XX в. его интерес привлекают крестьянские хозяйства. Кризис 1880–1890-х гг. нанес чувствительный

23. Кафедра сельскохозяйственной экономии Московского сельскохозяйственного института. — *Ред.*
24. Сегодня это отдельный от Тимирязевской академии Всесоюзный научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства при Министерстве сельского хозяйства СССР. [В 1928 г. Чаянов был отстранен от руководства институтом, но продолжал работать в нем научным консультантом до его реорганизации в Колхозный институт.]
25. Первым российским агрономическим произведением является «Домострой», который должен был служить руководством для ведения поместья. Об экономическом менталитете русской знати в конце XVIII века см. работу М. Конфино, которая вносит значительный вклад в изучение темы: «Domaines et Seigneurs en Russie» (Славянский институт исследований. Париж, 1963).

удар тем поместьям, которые практиковали еще экстенсивное земледелие, основанное на эксплуатации дешевой рабочей силы. Такое положение вещей породило споры между народниками, легальными марксистами и революционными марксистами о сравнительной выгоде мелкого и крупного хозяйства.

С другой стороны, развитие высших сельскохозяйственных учебных заведений увеличило число агрономов[26]. Небольшое количество помещичьих усадеб не могло вобрать в себя всех свободных агрономов и последние шли на службу земства — этим объясняется, что внимание агрономов направилось на крестьянское хозяйство, которое являлось главным предметом забот земства. После 1905 г. это новое поколение агрономов было достаточно могущественным, чтобы держать в своих руках все агрономические общества страны. Сельскохозяйственные общества в Москве, Петербурге и Харькове, а также в значительной степени и Вольное экономическое общество не управляются больше дворянами; во главе них становится левая интеллигенция, ее роль станет решающей в аграрной мысли накануне Первой мировой войны.

В годы, предшествовавшие развязыванию войны 1914 г., Столыпинская реформа была полумерой, которая не могла ни успокоить интеллигенцию, разделенную различными взглядами на аграрный вопрос, ни удовлетворить наименее обеспеченное крестьянство. Возникновение хуторов только углубило противоречия внутри деревни. В то время как социал-демократы и социалисты-революционеры считали, что аграрный вопрос может быть решен только национализацией или социализацией земли, т. е. только политической революцией, целое течение, называемое организационным, которое в основном черпало своих единомышленников в недрах земства, среди агрономов и преподавателей, считало, что раздел земли был только паллиативом, недостаточным для того, чтобы разрешить аграрный вопрос, и что, напротив, он может вызвать непредвиденный социальный переворот. Эта группа выдвигала ряд аграрных и экономических мер для интенсификации производства крестьянского хозяйства. Ее целью было прежде всего преобразовать организацию крестьянского хозяйства, не дожидаясь политических перемен, откуда эта школа и получила название «организационной»[27].

---

26. Количество высших сельскохозяйственных учебных заведений возросло с двух в 1895 г. с 75 студентами до восьми в 1912 г. с 3922 студентами, а количество агрономов, работающих в земствах, увеличилось с 124 до 2701 в тот же период, что позволяет использовать одного агронома к участок, а не на уезд, а это значит приблизить агронома к крестьянину (см.: Агрономическая помощь в России / Под ред. В.В. Морачевского. СПб., 1914). [В переводе О.Э. Гуревич данное примечание было помещено в основном тексте статьи.]

27. В русском языке «организационно-производственное направление»; по-французски буквально «организационное и продуктивное». Подробное объяснение этой концепции см.: *Макаров Н.П.* Крестьянское хозяйство и его эволюция. Т. 1. М., 1920. С. 1–160. Краткая информация: *Utechin S.V.* Russian political thought, a concise history. Praeger, 1963, p. 138–139.

Речь больше не идет о том, как во времена Герцена и Чернышевского, может ли Россия прийти к социализму, минуя капитализм. Проблема, которая захватывает эту группу, увлеченную новшествами в западной агрономии (племенной скот, машины, удобрения, кооперация), — технический и экономический прогресс, а не только социальный или фискальный, как в эпоху IX съезда русских [естествоиспытателей и] врачей в 1894 г., внимание которого было главным образом заострено на низком жизненном уровне крестьянской семьи[28]. Как применить западный агрономический и экономический опыт (теорию размещения, маргинальный[29] расчет) к крестьянским, еще полунатуральным хозяйствам, опирающимся всецело на труд членов семьи?

Курс А.И. Чупрова, читанный им в Париже в 1904 г. в Высшей русской школе общественных наук о преимуществах мелкого крестьянского хозяйства и о методах, которые позволяют его модернизировать, был, по-видимому, одним из первых оглашений подобного рода мыслей[30]. В.А. Косинский идет гораздо дальше, выдвигая проблему различия крестьянского и капиталистического хозяйства, возобновившую полемику с марксистами не только политическую, но и экономическую. Вот почему Чаянов рассматривает его как духовного отца школы крестьянского хозяйства[31].

Для В.А. Косинского «ни о ренте... равно как ни о прибыли, в крестьянском хозяйстве не может быть и речи. <...> Крестьянин, являясь одновременно представителем и земли, и капитала, и труда, не делит созданной в процессе производства ценности на необходимую и прибавочную стоимости. Вся созданная ценность поступает в его нераздельное пользование и равна прибавочной стоимости капиталиста + заработная плата. Ему поэтому прежде всего чужда идея прибавочной стоимости и прибыли на капитал. На свой чистый доход он смотрит как на продукт своего труда, занятого в производстве при помощи собственных материальных средств производства (земли и капитала)»[32]. Это, по мнению Косинского, объясняет причину, почему крестьянское хозяйство может платить повышенную арендную плату за землю в соответствии с чистым доходом, так как оно старается максимально применить свой

28. Этот конгресс знаменует собой важную веху в развитии социальных исследований в России, поскольку методологические проблемы обсуждались комиссией, включавшей лучших статистиков того времени (А.И. Чупров, Ф.А. Щербина, Н.А. Каблуков, Л.И. Маресс).
29. Современный перевод термина — маржиналистский. Далее термин «маргинальный» исправляется нами без оговорок в зависимости от контекста: маржиналистский или предельный. — *Ред.*
30. *Чупров А.И.* Мелкое земледелие и его основные нужды. СПб., 1907. Переиздано в Берлине в 1921 году.
31. Cajanov A.V. Gegenwärtiger Stand der Landwirtschaftlichen Ökonomie in Russland // Schmollers jahrbuch. 1929, p. 731.
32. *Косинский В.А.* К аграрному вопросу. Вып. 1. Одесса, 1906. С. 167, 165–166.

труд, интенсифицируя продукцию, когда она лимитирована недостатком земли. Таким образом, с 1906 г. появляется ответственное понимание того, что понятия «доход» и «прибавочная стоимость», которые марксисты переносят с классической схемы на крестьянское хозяйство, не могут быть к нему применимы.

Чаянов примыкает к этой школе[33]. Так же как и другие его коллеги — [А.Н.] Челинцев, [Б.Д.] Бруцкус[34], [Н.П.] Макаров и пр. он очень быстро понял два основных факта: 1) непроизводительность огромного труда над бюджетным материалом, собранным работниками земства, вследствие порочности метода, примененного при их анализе; 2) невозможность применения экономических концепций классической экономики к крестьянскому хозяйству. Из этих положений Чаянов быстро находит выход, и в этом сказывается его творческая потребность. С одной стороны, он находит метод бюджетных исследований, который позволяет решить вопросы организации, с другой стороны, он предлагает теорию крестьянского хозяйства, способную объяснить специфику этого способа производства sui generis[35] и облегчить повседневную связь и помощь агронома крестьянству.

## III. Первые работы Чаянова и генезис его теории крестьянского хозяйства

Принимая во внимание особенности крестьянского хозяйства, два съезда сыграли для агрономов этого поколения роль катализаторов: Агрономический съезд 1901 г. и Кооперативный съезд 1908 г.[36]

---

33. Н. Каблуков («Об условиях развития крестьянского хозяйства в России», 1908. С. 377–384) проводит ту же линию анализа: особенности использования капитала и формирования прибыли в крестьянском хозяйстве. [О неприменимости к крестьянскому хозяйству категорий капиталистического хозяйства Н.А. Каблуков писал еще в «Лекциях по экономии сельского хозяйства, читанных в Московском университете в 1895/96 году» (М., 1897), С.Н. Булгаков в «Капитализме и земледелии» (1900) и др. В связи с этим оценка значимости В.А. Косинского как основоположника этой линии мысли представляется преувеличенной.]
34. Бруцкус в работе 1913 года «Очерки крестьянского хозяйства в Западной Европе» противопоставляет крестьянскую экономику и капиталистическую экономику (одна основана на *субъективных* оценках *ценности*, другая на *затратах*, которые измеряются *объективно*) и подчеркивает в тех же терминах, что и Чаянов, произвольный характер методов бухгалтерского учета швейцарца Э. Лаура.
35. В его своеобразии, в его уникальности (лат.). — *Ред.*
36. Следует также отметить роль, которую играли некоторые агрономические журналы, такие как «Земский агроном» (Саратов), московский «Вестник сельского хозяйства» под редакцией А.Г. Дояренко и особенно «Агрономический журнал» (Харьков), в редакциях которых сгруппировались основные сторонники движения. [В тексте упомянуты: Съезд деятелей аг-

Чаянов был тогда слишком молод, чтобы дать себя заметить, но через два года, когда в Москве собрался Первый всероссийский съезд льноводов[37], именно ему было доверено провести бюджетные исследования о значении льна в доходах крестьян Волоколамского уезда Московской губернии.

В том же 1911 г. идеи организационной школы были предложены Московскому областному агрономическому съезду[38]. [С.А.] Первушин, выступая на этом съезде, критиковал земские подворные переписи крестьянских бюджетных исследований: опросные бланки содержали огромное количество рубрик, часто слишком малодоступных пониманию крестьян. Нельзя собирать бюджетные данные, опираясь исключительно на одну память опрашиваемого крестьянина, утверждал Первушин[39]. Если хотят, чтобы эти бюджетные данные можно было применить с точки зрения практической, необходимо упростить счетоводство, которое мог бы вести сам крестьянин. Участковая агрономия и организационный план крестьянского хозяйства», в котором подчеркивает пользу бюджетного исследования крестьянского хозяйства — а не только бюджета потребления семьи — с точки зрения бухгалтерского учета способного указать агроному путь к организации доверенного ему хозяйства. Бруцкус прокомментировал: «Чаянов формулировал те мысли, которые бродят среди агрономов»[40].

Первые анкетные данные, собранные Чаяновым, подкрепили его тезисы, высказанные им на съезде. Опросные данные, полученные им в Волоколамском уезде[41] (и с помощью А.Н. Григорьева в Смоленской губ[ернии], с целью получения образцов более бедных районов) показали невозможность применения методов, практикуемых в то время в Западной Европе. Метод Э. Лаура, изучаемый в частности Чаяновым[42], заключался в следующем: из валового дохода

---

рономической помощи местному хозяйству (Москва, 10–19 февраля 1901 г.) и Первый Всероссийский съезд представителей кооперативных учреждений (Москва, 16–21 апреля 1908 г.)]

37. Первый Всероссийский съезд представителей льняного дела (январь 1911 г.). — *Ред.*
38. Московский областной съезд деятелей агрономической помощи населению (21–28 февраля 1911 г.) объединял представителей ряда губерний центральной России. — *Ред.*
39. Типовая модель бланка [Ф.А.] Щербины, принятая в 1900 году для исследования в Воронежской губернии, содержала 677 вопросов, которые требовали от одного исследователя от полутора до двух дней на семью, чтобы заполнить его.
40. Труды Московского областного съезда деятелей агрономической помощи населению. М., 1911. Т. 5. С. 54.
41. Лен и другие культуры в организационном плане крестьянского хозяйства нечерноземной России. Т. 1. Волоколамский уезд. М., 1912. — 198 с.; Т. 2. Смоленская губерния. М., 1913. — 209 с.
42. *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство в Швейцарии. М., 1913. Профессор Эрнст Лаур, секретарь Союза швейцарских крестьян, разработал систе-

хозяйства он вычитал сумму производственных расходов, расходов на семью, вознаграждение за труд и капитал и получал либо чистый доход, либо чистый убыток. Для полунатурального хозяйства, каким было крестьянское хозяйство в России, замечает Чаянов, такой экономический расчет был бы произвольным. Оценка здесь преимущественно качественная: продукт существует в достаточном или недостаточном количестве в зависимости от потребности, но эти продукты не могут заменить друг друга, как в рыночной экономике[43].

Он также констатирует, что маржиналистскую теорию, которая объясняет выбор капиталистического предпринимателя, нельзя перенести в трудовое крестьянское хозяйство, так как в этом типе хозяйства снижение полезности предельных единиц труда не блокирует деятельности работника, поскольку потребности семьи не удовлетворены. «Понижающийся доход не останавливает труд, поскольку не достигнуто равновесие между потреблением и трудом»[44], следовательно, оптимум крестьянского трудового[45] хозяйства отличается от хозяйства капиталистического. Первоначальные тезисы того, что станет впоследствии теорией трудового крестьянского хозяйства, были сформулированы в 1911 г.

В том же 1911 г. Комитет взаимного кредита и сбережений проводит анкетное исследование с целью определения торгово-денежных элементов в крестьянском хозяйстве Московской губ[ернии], в котором принимает участие Чаянов с целью наметить планы кредитования в соответствии с денежным приходом и расходом сельских хозяев губернии. В 1912 г. Комиссия вырабатывает первый вариант упрощенного счетоводства для агрономов, приспособленного к русским условиям[46]. Работа Чаянова «Опыт анкетного исследования денежных элементов крестьянского хозяйства Москов-

---

му бухгалтерского учета («Landwirtschäftlihe Buchhaltung für bauerliche Verhältnisse», 1904; 5-е изд., 1913), выдвинув сложное требование о том, чтобы для регистрации денежных и финансовых потоков с одного счета на другой использовались 5 различных книг (счет предприятия, счет семейного дома, счет труда, счет вспомогательных доходов, счет владельца). Труд членов семьи оценивался по ставке заработной платы. Кроме того, Э. Лаур был лидером крестьянского движения, идеалы которого были достаточно близки к идеалам российских народников; он выразил их в работе «Politique agraire» (Payot, 1919).

43. *Чаянов А.В.* Опыт разработки бюджетных данных по сто одному хозяйству Старобельского уезда Харьковской губернии. Т. 1. М., 1915. Глава VI.
44. Лен и другие культуры...
45. Тип семейного хозяйства, которое не использует внешнюю рабочую силу.
46. В 1914 году А. Челинцев опубликовал свою работу «Участковая агрономия [и счетоводственный анализ крестьянского сельского хозяйства]», которая является первым опытом практического пособия по анкетным исследованиям и упрощенному бухгалтерскому учету в сельском хозяйстве в духе организационной школы. Этот же автор в преподаваемом им курсе для киевских агрономов в 1912 году пытался разработать «теорию

ской губ[ернии]» (1912) описывает трудности этого первого опыта. На 7000[47] отправленных опросных бланков было получено 300 ответов, из которых 164 были признаны годными. Как их группировать? Как вывести среднее? Как проверить достоверность результатов? Почерк Чаянова сказывается в том, что во главу угла был поставлен анализ расходов семьи, в качестве выражения денежных потребностей, которые требовалось удовлетворить, поскольку именно в соответствии с этими потребностями осуществляется деятельность семьи, как в сельском хозяйстве, так и за его пределами (отхожие заработки).

Эти две практические работы толкнули Чаянова на попытку их теоретического обобщения[48]. «Очерки» (1913) он начинает с анализа, с одной стороны, отношений между производством и потреблением в крестьянском хозяйстве, с другой стороны, различных составных частей бюджета крестьянского потребления и его эластичности по сравнению с бюджетом рабочего[49]. Однако эта первая попытка оставила автора неудовлетворенным. Он понимал, что его первые наблюдения опирались в большинстве на малоимущих крестьян и что необходимо было изучить хозяйство крестьян наиболее имущих. Еще, и более всего, он стремился исследовать отношения, которые устанавливались в крестьянском хозяйстве между расходами на потребление семьи и расходами на хозяйство, так как его исследованиями всегда руководил «организационно-производственный» интерес.

Его товарищи из Харьковского земства помогают ему в этой работе, предоставив в его распоряжение необработанный материал бюджетного исследования, проведенного в 1910 г. в Старобельском уезде.

Чаянов подвергает анализу эти материалы, пытаясь проверить, существует ли зависимость между размером семьи (и особенно зависимость между количеством работающих членов семьи и тех, которых нужно кормить в процессе цикла образования и воссоздания семьи) и зажиточностью хозяйства. Его анализ содержит теоретические гипотезы, согласно которым движущей силой крестьянского труда являются потребности семьи на различных этапах своего развития во времени. Старобельские бюджетные исследования подкрепляют его первые попытки теоретического обобщения, которые подтверждают, что размер хозяйства является менее значимым фактором деятельности крестьянства, чем им указанные. Кроме того,

---

и практику крестьянской экономии». Это те же стремления, что и у Чаянова, и часто идентичные формулировки.

47. Это ошибка; у Чаянова 3000. — *Прим. О.Э. Гуревич*
48. *Чаянов А.В.* Очерки по теории трудового хозяйства. М., 1912–1913. Вып. 1–2. — 24 + 91 с.
49. Этот очерк позднее станет первой главой «Die Lehre [von der bauerlichen Wirtschaft]» (1923) и «Организации [крестьянского хозяйства]» (1925).

этот анализ более гибок и касается не только денежных элементов хозяйства, но и натуральных и дает возможность проследить оба эти течения, которые дают семье необходимый для удовлетворения ее потребностей доход. На этот раз Чаянов вновь подчеркивает, уже более уверенно, свое несогласие с Лауром. Он не собирается, как этот последний, вычитать из массы богатств, произведенных хозяйством, все, что может быть рассмотрено как плата за капитал, за труд или за землю. Для крестьянской семьи труд не имеет определенной стоимости. Метод, который состоит в том, чтобы приравнивать его к сельскохозяйственному заработку [наемного работника], произволен, так же как и расчет земельной ренты на базе податного оклада в капиталистических хозяйствах[50]. Результаты этого фундаментального труда Чаянова были опубликованы в 1915 г., переизданы в 1922 г. и частично вошли в разные главы «Учения о крестьянском хозяйстве» в 1923 г. и в «Организацию [крестьянского хозяйства]» в 1925 г.

## IV. Первая мировая война и деятельность Чаянова в кооперации

Вступление России в войну направило деятельность Чаянова к конкретной задаче — организации сбыта льна. Этот опыт станет познавательным для разработки его теории кооперации.

Напомним, что Россия была в 1914 г. первым экспортером льна на мировом рынке, и что эта культура давала некоторым северным и центральным районам страны значительную долю сельскохозяйственного заработка.

Однако это завоевание льняного рынка Россией, который опирался на низкий жизненный уровень русского крестьянства, не было прочным; ему всегда грозила конкуренция хлопка с противоположной стороны моря (уже были нанесены тяжелые удары льноводству Бельгии и Франции) и требования «качества» иностранных фабрикантов. Поэтому начиная с Первого съезда 1911 г. льноводы были заняты не только стабилизацией культуры льна в России, надеясь на возврат «конъюнктуры»[51], но и возможной организацией кооперативов для улучшения качества первичной переработки льна. Первичная переработка составляла основное занятие крестьян некоторых районов в зимнее время.

На Втором съезде льноводов (4–7 апреля 1913 г. в Москве) Чаянов, которому уже в 1911 г. было доверено проведение бюджетных исследований стабильности экономики крестьянской производи-

50. Бюджеты крестьян Старобельского уезда / Под ред. А.В. Чаянова. Харьков, 1915. С. 116–121.

51. Цена пуда (16,38 кг) льна в Волоколамске с 234 копеек в 1894 году поднялась до 493 копеек в 1913 году.

тельности льна, показывает трудности организации ex nihilo[52] системы кооперации. Кооперация может заинтересовать крестьян только в том случае, если она предлагает более высокие покупные цены, что предполагает для начала организацию достаточно влиятельную, чтобы конкурировать со скупщиками — капиталистами; но каким образом организация может быть влиятельной без тесной связи с крестьянами? Для того чтобы разорвать этот заколдованный круг, Чаянов предлагает организацию кооперации «en aval» (с поручительством в платеже по векселям), то есть начиная с центральной экспортной кооперации, а не с сети местной производственной кооперации. Кризис сбыта льна из-за нарушения коммуникаций с заграницей, вызванный войной, помог Чаянову осуществить на практике свои идеи[53].

Урожай льна в России в 1914 г. поднимается до 16 млн тонн; за вычетом потребностей внутреннего рынка оставалось 6 млн тонн, которые рисковали вызвать сильное понижение цен, если их не удастся реализовать. Чаянов при помощи существующей в то время структуры кооперативов[54], то есть Кассы сельскохозяйственного кредита и могущественного Союза сибирских маслодельных артелей, экспортировал этот лен в Англию через Архангельск или через Норвегию в Торнео. Он добился участия Государственного банка для финансирования этой операции. Кассы мелкого кредита были агентами-плательщиками и сборщиками льна на корню, в то время как Союз сибирских маслодельных артелей, у которых в Лондоне был свой представитель (Московский Народный Банк), взял на себя обязанность продажи льна за границей. В первый год операция прошла удачно только наполовину. Лен достигает своего назначения лишь после 12-месячного кругосветного путешествия в условиях, когда 75% груза была признана негодным к продаже. Единственная польза этого опыта была та, что русский крестьянин приучился продавать лен кооперативу. Это было поощрением для основания в следующем году Центрального товарищества льноводов, одним из членов-распорядителей которого стал Чаянов. Центральное товарищество организует продажу льна как внутри страны — гарантируя русским фабрикантам высокое качество льна, так и на внешний рынок во Францию, Англию и Японию. Под руководством В.И. Анисимова, Чаянова, С.Л. Маслова и А.А. Рыбникова Центральное товарищество объединяет 150 тыс. льноводов в 350 кооперативных товариществ и 11 контролирующих товариществ в районах, имеющих от 12 до 85% коммерческого льна. Подписанный в 1916–1917 гг. договор с капиталистической

52. Из ничего (лат.). — *Ред.*
53. Этот опыт подробно описан в книге Чаянова «Русское льноводство, льняной рынок и льняная кооперация» (М., 1918. — 177 с.).
54. *Kayden et Antsiferov.* The cooperative movement in Russia during the war. New Haven, 1929.

фирмой «Рало» дает Центральному товариществу монополию экспорта русского льна.

### V. Февральская и Октябрьская революции 1917 года, Чаянов и «аграрный вопрос»[55]

Февральско-мартовская революция 1917 г. вызвала брожение умов в кругах левых агрономов и экономистов и одновременно перегруппировку во взглядах на аграрный вопрос. В то время как до сих пор «организационная» школа пыталась примениться к эволюции, порожденной Столыпинской реформой, сейчас землеустройство требует более радикальных мер. Были предложены разные рецепты. Одни, более левые, предусматривали социализацию или национализацию земель (доверенную крестьянским общинам — социал-революционеры, отданную государству — большевики), другие, более правые, считали, что единый налог на землю в размере земельной ренты, является достаточным для решения аграрного вопроса, так как земля, лишенная ренты, потеряет свою стоимость и, следовательно, свою притягательную силу для капитала.

Несмотря на эти расхождения, Вольное экономическое общество, Московское общество сельского хозяйства, Харьковское общество сельского хозяйства и Всероссийский земский союз, объединяя агрономов и экономистов столь различных направлений, как марксист П.П. Маслов, социалист-революционер [Н.П.] Огановский, народники С. Маслов и Н. Макаров, консерватор А. Стебут, сходятся на некоторых решающих вопросах, основывая Лигу аграрных реформ[56]. Чаянов принимает в ней участие в качестве члена распорядительного Комитета[57].

В то время как «Апрельские тезисы» Ленина требуют немедленной конфискации помещичьих земель — они должны были служить в качестве крупных показательных хозяйств — и национализации земель, считая и крестьянские земли, Лига довольствуется тем, что

55. Следует также отметить роль Чаянова в организации снабжения во время войны и революции в рамках Всероссийского земского союза. Его компетентность в вопросах крестьянского потребления имела решающее значение для установления возможных стандартов нормирования как для города, так и для деревни. (Материалы по вопросам разработки общего плана продовольствия населения. Вып. 1. Нормы продовольствия сельского населения в России / Под ред. А.В. Чаянова. М., 1916; а также последующее исследование потребления в Москве в 1919 году.)

56. Бруцкус подготовил для этого почву, представив с 1916 по 1917 год в Вольном экономическом обществе серию докладов по аграрному вопросу, которые будут опубликованы в Петрограде в 1922 году под заглавием «Аграрный вопрос и аграрная политика».

57. В течение 1917 года два члена Комитета занимали должность заместителя министра земледелия.

предлагает передать все земли трудовому крестьянству (как в программе эсеров), однако эта передача должна совершиться на основе государственного плана земельного устройства (в этом расхождение с эсерами, которые провозглашали децентрализованную систему управления), поэтому Лига отстраняется от общих формул, принятых большими политическими партиями, она придерживается того мнения, что аграрная реформа должна производиться с учетом бытовых и экономических особенностей отдельных районов. В общем, земельное устройство, согласно принципам, принятым Лигой, есть только часть решения аграрной проблемы, которая включает в себя все вопросы, связанные с общими условиями с[ельско]х[озяйственного] производства, организацией связи этих хозяйств с общим мировым рынком. Задача Лиги — обсуждение и выяснение, а не проведение в жизнь аграрных предположений, и их распространение изданием серии брошюр.

Первая изданная работа Лиги — подписанная Чаяновым «Что такое аграрный вопрос»[58]. Это комментарий к вышеизложенным принципам, что дает нам право предполагать, что наш автор играл решающую роль в редакции программы Лиги. Как понимал Чаянов в 1917 г. решение аграрной проблемы?

В политическом плане задача кажется ему простой, так как надо голосовать за законы, соответствующие социальным идеалам, которые предстоит провести в жизнь. Но экономическая жизнь подчиняется собственным законам, которые не полностью зависят от воли человека. Поэтому надо считаться с законами развития и, в частности, с особенностями сельского хозяйства, если не хотят, чтобы эти произведения были мертворожденными.

Следовательно, первое условие, которое нам предлагает русская действительность, подчеркивает Чаянов, — индивидуальные особенности различных районов. Тенденции развития сельского хозяйства различны в Центральной Азии и на юге России, где преобладают кочевое скотоводство и залежь, в Сибири, где земли в изобилии и право собственности как таковое отсутствует, и в центральных районах, где плотность населения требует интенсивных форм хозяйствования и особого режима землевладения — общины, которая поддерживает равновесие между количеством земли и населения путем периодических переделов земель. Поэтому решение аграрной проблемы не может быть одинаковым во всех регионах.

Но решения, касающиеся аграрной реформы, не должны быть доверены компетенции местных властей — уездов или волостей[59]. Эти решения должны руководствоваться общими интересами национальной экономики. В противном случае можно опасаться, что

58. *Чаянов А.В.* Что такое аграрный вопрос? М., 1917. — 63 с.

59. Для решения этих проблем Лига выпустила атлас, составленный С.А. Клепиковым под руководством Чаянова: Атлас диаграмм и картограмм по аграрному вопросу. М., 1917. — 40 с.

оренбургские или самарские казаки, которые имели уже сейчас по десять десятин на душу, не пришли бы к решению разделить между собой обширные помещичьи земли, в то время как с точки зрения национальных интересов надо было бы скорее переселить в эти районы излишек сельского населения из Киевской, Подольской и других губерний, чем закрепить экстенсивное сельское хозяйство у населения, которое здесь жило.

Вторая черта, присущая действительности, утверждает Чаянов, — преобладание семейно-трудового хозяйства. За последнее десятилетие крестьянство сильно эволюционировало. Русская деревня перестроилась на денежно-товарный строй ведения хозяйства: крестьяне приобрели в собственность 27 миллионов гектаров земли, часто ценой тяжелого труда; кооперативы развивались на коммерческой основе. Даже если частная собственность не соответствует идеалу, это привычная форма, которую не следует трогать, пока не изменится крестьянское мировоззрение.

Чаянов не думает, что старый народнический лозунг «Земля и воля» достаточен, чтобы регулировать крестьянский вопрос. Поэтому требование «Земля трудовому народу!» — требование только морального характера, и социализация или национализация земли с точки зрения количественной была бы лишь частичной мерой аграрной реформы (на 100 млн гектаров, засеянных хлебом в 1916 г., 89 принадлежали крестьянам и 11 помещикам). Это предваряющее действие, морально необходимое, но недостаточное[60], так как ни одна политическая власть не в силах заставить крестьянина изменить природу своего хозяйства. Стало быть, только терпеливый труд, согласно Чаянову, заключает в себе возможность направить эволюцию сельского хозяйства страны в сторону наиболее рациональных форм, которые повышают производительность труда, сохраняя при этом принцип равноправного распределения национального дохода между всеми, кто участвует в его создании[61].

С этой точки зрения землеустройство и работы по земельной мелиорации должны были сыграть существенную роль. Результаты, которые можно ожидать от объединения производственных единиц, различны в сельском хозяйстве и в промышленности. Этим объясняется, что преимущества крупного хозяйства над мелким сказывается не одинаково в разных секторах сельского хозяйства. Оптимальные размеры предприятий не будут одинаковыми в районах

60. Чаянов заявляет о своей поддержке национализации крупных частных имений, которые играют ведущую роль в селекции растений или животных и дают значительную часть товарного урожая, с тем чтобы избежать растраты основного капитала и сокращения излишков, доступных для внутреннего рынка и экспорта.

61. Автор признает, что эти принципы нелегко согласовать, как показывает опыт сельскохозяйственных «коммун» после 1917 года (см.: *Robert C. Wesson*. Soviet Communes, Rutgers University, New Jersey, 1963).

экстенсивного земледелия, где можно допустить хозяйства размером от 2000 до 3000 гектаров зерновых полей с применением машин, и в районах, где применяется ручной труд с более интенсивным употреблением сельскохозяйственного инвентаря, что заставляет возрастать расходы на транспорт, если хозяйство превосходит оптимальные размеры в 200–300 гектаров.

Другими словами, природа сама указывает пределы единственно возможной горизонтальной интеграции сельскохозяйственного предприятия. Наоборот, в плане вертикальной интеграции эти затруднения исчезают. Благодаря кооперативам мелкие хозяйства могут пользоваться всеми преимуществами крупного хозяйства. Крестьянское хозяйство, таким образом, сохраняет возможность соединяться, чтобы получить на рынке те же условия цен, кредита и т. п., как и крупные торговцы или крупные предприниматели.

Остается установить, при помощи каких средств можно добиться этих преобразований. Чаянов не верит в силу принуждения. Методы просвещенного абсолютизма, практиковавшиеся Екатериной II, не должны быть применены сегодня. Необходимо найти систему государственного регулирования, которая влияет на условия, в которых сельское хозяйство должно развиваться, а не навязывать структуры априори. Инструментами этого будут: 1) законодательство, которое не должно отменять частную собственность на землю и исключать всякую возможность торговых сделок с землей; 2) различная фискальная система земельных налогов (налог будет выше земельной ренты для крупных хозяйств капиталистического типа и ниже для крестьянских хозяйств); 3) государством может быть разрешена экспроприация некоторых имений, если национальные интересы этого потребуют, в таком случае владельцам будет выплачиваться государством выкуп в продолжение 50–100 лет; 4) земли, экспроприированные или купленные государством, будут реальным резервом, которым государство сможет оперировать при землеустройстве, если сочтет это полезным; эти земли будут отдаваться крестьянам в аренду. Таким образом, доход от этих земель пойдет на вознаграждение за экспроприированные земли.

Предпринятые меры должны были войти в финансовый план, чтобы избежать неравномерности и растянуть эти поступления на длительное время, так как землеустроительные реформы требуют длительного переходного периода. Государство может употребить этот период для создания условия для постепенного перехода либо к социализации, либо к национализации, но ему придется бороться против нетерпения демократических масс и всех тех, кто захочет ускорить режим этих преобразований.

Земельную реформу Чаянов мыслит не как раздел богатств между различными группами населения, но как преобразование всей экономической структуры страны. В этой работе обновления агроном должен будет играть роль движущей силы для того, чтобы кооптировать и направлять живые силы крестьянства.

## VI. Общественная роль агронома в трансформации аграрных структур (1918)

Уже в 1913 г. Чаянов организовал семинар в Петровско-Разумовском на тему «Общественная агрономия и кооперация», который позволил делиться мыслями известным русским агрономам того времени. В нем принимали участие: Владимирский, [К.А.] Мацеевич, [А.П.] Левицкий и учитель Чаянова [А.Ф.] Фортунатов. Работа «Основные идеи и методы работы общественной агрономии», вышедшая в 1918 г. в «Кооперативном издательстве», подытоживает опыты всей русской довоенной агрономии, предлагая ей в то же время новые пути[62].

Роль общественной агрономии Чаянов формулирует как «систему общественных мероприятий, стремящихся направить эволюцию сельского хозяйства страны в сторону наиболее рациональных (в условиях времени и места) форм его». Это в некотором роде приложение принципов, изложенных в «Что такое аграрный вопрос», переработанных в программу конкретных действий, данных для повышения уровня производительности сельского хозяйства.

Переход от одного типа хозяйствования к другому происходит обычно спонтанно, без определенного плана; крестьяне подражают тем, кто после серий опытов нашел наилучшую систему хозяйствования для данного района. Например, в Сибири крестьяне пробовали применить тот же образец ведения хозяйства, который они практиковали у себя на родине, но потом после того, как они 10 или 20 лет применялись к новым условиям, разные пробы были сведены к единому новому типу хозяйствования.

Агроном, стало быть, должен внимательно изучать местные формы организации сельского хозяйства, так как они являются продуктом нескольких десятилетий исканий, и все искусство агрономии заключается в том, чтобы найти те образцы, которые дали бы возможность наилучшим образом использовать особенности данной земли. Нельзя из Москвы давать общие советы, годные для Воронежа или Чернигова. С другой стороны, уездный агроном не стоит во главе хозяйства; он отвечает за обширный район, в котором соседствует тысяча индивидуальных хозяйств. Его поле деятельности не машины и не поля, но отдельные индивидуальные личности. Деятельность агронома прежде всего социальна. Он должен вызвать в умах и воле крестьян новое сознание — из этого может родиться современная агрикультура.

---

62. *Чаянов А.В.* Основные идеи и методы работы общественной агрономии. М., 1918. — 111 с.; переиздание 1922 года (переведено на немецкий язык д-ром Шлёмером под заглавием «Die Sozialagronomie», Berlin, 1924. — 96 p.).

Во всяком случае его деятельность будет успешной, если психологический эффект захватит большую крестьянскую массу, а не только отдельные хозяйства. Надо определить в области два или три основных вопроса, наиболее интересующие массу крестьянства, легко удовлетворимые простыми и недорого стоящими нововведениями, как, например, замена сохи плугом или борьба с полевыми вредителями. Достигнутый на первом этапе после нескольких лет работы в районе успех завоюет доверие крестьян, и теперь они уже сами придут за советом к агроному. После этого задача агронома будет состоять в том, чтобы находиться всегда в поле зрения земледельца. Так как предлагаемые агрономом меры на втором этапе не должны быть общими, они будут дифференцированы, т. е. будут приняты во внимание разные типы хозяйств, которые благодаря знакомству с районом позволяет агроному мало-помалу приносить конкретную помощь отдельным хозяйствам[63]. Если коротко, то для Чаянова существует прежде всего народ, а уже потом агрономия; роль агронома — создать живые силы, которые смогут создать новую сельскохозяйственную культуру.

## VII. Институт сельскохозяйственной экономии в Петровско-Разумовском в эпоху военного коммунизма (1919)

Эти взгляды находят признание среди молодых экономистов и агрономов, которые группируются под руководством Чаянова в его семинарии при Петровско-Разумовской академии. С весны 1919 г. этот семинарий быстро принимает форму автономного учреждения, которое вскоре становится Научно-исследовательским институтом сельскохозяйственной экономии и политики. Он объединяет для начала 18 преподавателей, 30 исследователей[64] и сотрудничающих с ним людей различных направлений[65]. Институт наследует несколько частных библиотек, библиотеку кооперативного института; так, уже к 1920 г. библиотека Института сельскохозяйствен-

63. Опыт, накопленный в ходе многолетних полевых исследований на местах, создает метод анализа на уровне региона, который сегодня может быть использован экспертами по технической помощи, работающими в новых регионах, для разработки конкретной программы агрономических действий. А. Челинцев рассказывает о практическом опыте Харьковского союза кооперативов в 1918–1919 годах: *Челинцев А.Н.* Опыт построения местной сельскохозяйственной политики // Крестьянская Россия. Прага, 1924. № 7. С. 55.

64. Включая Н.П. Никитина, Ф.И. Семенова, С.А. Клепикова, А.Л. Вайнштейна, Б.Н. Книповича, Н.И. Курочкина, А.Н. Григорьева, Г.[А.] Студенского.

65. С.Н. Прокопович, А.[А.] Рыбников, [Б.Д.] Бруцкус, Гатовский, [С.А.] Первушин, [Л.Н.] Литошенко.

ной экономии насчитывала 140 000 томов[66] и считалась самой большой московской библиотекой по экономическим вопросам.

В то же время при Чаяновском семинаре и под его началом было создано Бюро текущего наблюдения за хозяйственной жизнью в России и других странах, руководимое Н.Д. Кондратьевым, наподобие Конъюнктурных институтов в Гарварде и Берлине[67]. Сотрудничество Кондратьева и Чаянова будет очень тесным вплоть до 1930 г., когда оба они стали жертвой чистки сталинского режима.

Направление Института было и теоретическим, и практическим. В теоретическом плане интерес работы института сосредоточился на развитии теории крестьянского хозяйства, так же как и на разработке теории размещения в сельском хозяйстве в условиях России, которая была под стать теории, разработанной [А.] Вебером для промышленности. В практическом отношении эти проблемы поручаются Народным комиссариатом земледелия институту, который в некотором отношении является исследовательским центром комиссариата. Темами его исследований было изучение питания, кредита, ирригации, оптимальных размеров сельскохозяйственных предприятий.

Чаянов особенно был захвачен конкретными задачами; надо узнать, как экономический расчет, который является базой всех агрономических решений, касающихся сельскохозяйственных предприятий, может сохранять свою ценность в условиях непрерывно увеличивающейся в ту эпоху инфляции. Как установить расчет, когда лошадь, купленная в январе за 30 000 р., стоит в десять раз больше в декабре. Чтобы ответить на этот вопрос, Чаянов заканчивает в октябре 1920 г. «Методы безденежного учета хозяйственных предприятий», которая печатается Наркоматом земледелия РСФСР[68]. Практическая ценность этой методики кажется сегодня ничтожной, так как расчет, предлагаемый автором, неприложим к предприятию. Он берет как данное существование центрального плана и административной пирамиды с рядом «Центров», призванных калькулировать соотношение затрат производства и выхода продукции (input — output) в материальных количествах для каждого типа сельскохозяйственного предприятия, затем установить баланс каждого предприятия, уравнивая результаты, полу-

66. Вероятно, опечатка: в 1922 году А.В. Чаянов писал о 40 тысячах томов (*Чаянов А.В.* Из области новых течений русской экономической мысли // Крестьяноведение. 2018. № 1. С. 39); в Отчете института за 1926/27 г. говорилось о «более 100 тысячах томов» (Бюллетень НИИСХЭ. 1927. № 1–2. С. 64). — *Ред.*

67. Начало работы Первушина, Любимова и Кондратьева по сельскохозяйственным кризисам в Европе и России.

68. *Чаянов А.В., Вайнштейн А.Л.* Методы безденежного учета хозяйственных предприятий // Труды Высшего семинария сельскохозяйственной экономии и политики. Вып. 2. М., 1921. С. 5–76.

ченные в каждой отрасли производства в соответствии с нормами, предварительно установленными.

Однако с исторической точки зрения работа Чаянова фундаментальна не только потому, что в ней находишь всю схему планирования «в натуре» в приложении к сельскому хозяйству, которая остается до сих пор одной из характерных черт плановой экономики советского типа, но еще и из-за теоретических и политических проблем, поднятых автором, которые необходимо рассматривать в контексте дискуссий того времени.

Эти дискуссии дают возможность поставить на место денежную стоимость и трудовой «эквивалент». Это заглавие хорошо знакомой статьи С.Г. Струмилина «Трудовой эквивалент»[69], в которой автор предлагает обобщить опыт нескольких московских заводов, устанавливая понятие «единица неквалифицированного труда», которое послужит базой разработки системы цен по «трудовому эквиваленту». Вайнштейн, который принимает участие в разработке этого вопроса в работе Чаянова, показывает, что разработка «трудового эквивалента» требует предварительного хронометража каждого цикла производства, что потребует времени, и данные которого будут часто неправильными, так как условия военного коммунизма не те, что условия мирного времени. С другой стороны, единица труда не может заменить одно другим, как денежная стоимость. В реальных терминах труд инженера качественно разнится от единиц неквалифицированного труда. Баланс в единицах труда не освобождает от необходимости сохранения материальных балансов в физических выражениях. Чаянов идет дальше в своей критике: если каждый продукт измеряется постоянной стоимостью единицы труда, больше не существует дефицитных продуктов, и анализ рациональности решений больше невозможен; наоборот, в сельском хозяйстве, где крестьянин мыслит конкретными выражениями столько-то продуктов с гектара или столько-то животных, — единица труда является абстракцией, плохо прилагаемой к потребностям хозяйства.

В плане теоретическом этот труд Чаянова становится на позицию специфичности законов экономики при социализме, который является продолжением его первых тезисов о невозможности приложения капиталистических концепций к крестьянскому хозяйству. Критерий рентабельности, рассчитанный в денежно-торговых выражениях, лишен всякого смысла в натуральном хозяйстве (корова не может быть дефицитной или прибыльной), его нужно заменить техническими критериями. Автор считает, что социалистическое хозяйство, будучи управляемо единой волей — волей государства, похоже на натуральное хозяйство, где господствует необходимость удовлетворения нужд общества средствами, нахо-

69. *Струмилин С.Г.* Трудовой эквивалент // Экономическая жизнь. 1920. № 167.

дящимися в их распоряжении. Кроме того, организация покоится на распределении труда, рациональность которого не определяется требованиями капиталистического рынка, его уровнем макрохозяйства, в котором труд используется для увеличения национального дохода. Классическая политическая экономия больше неприложима к социалистическому режиму.

Нельзя не отметить родственность этих высказываний с тезисами [Н.И.] Бухарина в «Экономике переходного периода», вышедшей в том же 1920 г. Во всяком случае приговор, вынесенный политической экономии, радикализм «Азбуки коммунизма», противостоит осторожности агронома. Чаянов старается подчеркнуть, что нельзя строить социализм надолго, опираясь исключительно на энтузиазм. Социалистическое общество, следуя нашему автору, еще не нашло стимулы, которые дали бы возможность найти оптимальную организационную форму для производственной единицы. Пока этот ключ не будет найден, экономика присуждена быть добычей гигантского бюрократизма, так как интенсификация труда может родиться только из внутренней потребности. Нельзя без ущерба нарушать нужное равновесие между интенсивностью труда и удовлетворением потребностей. Социалистическая экономика не должна быть подобна экономике Спарты. В выражениях почти не завуалированных, Чаянов осуждает действия военного коммунизма, который своими реквизициями подавляет персональную активность.

## VIII. Убежище в Крестьянской утопии: Москва, 1984

В то трудное время, когда черный рынок Сухаревки является в Москве главным источником пропитания, Чаянову нравится мечтать, как пастухам в знаменитой картине Брейгеля Старшего, о стране с молочными реками и кисельными берегами. Под псевдонимом Ивана Кремнева он приглашает нас в «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии». Эта книжка, изданная в 1920 г. государственным издательством с предисловием В.В. Воровского[70], очень скоро стала библиографической редкостью. Она выражает под видом литературной выдумки целую школу политической мысли с народнической или анархической тенденцией, и в то же время намекает на артистические вкусы и философские тенденции нашего автора.

Гражданин Кремнев просыпается в Москве в 1984 г. Однако народ, его окружающий, сильно разнится от того, который представлял себе Джордж Оруэлл; это Аркадия. «Эра городской культуры ушла в вечность», большие города исчезли. В самой Москве

70. В оригинале Б. Кербле указывал только псевдоним автора предисловия — Орловский. — *Ред.*

не больше 100 000 жителей. Снесены целые кварталы домов; памятники сохранены как исключение. Заводы перенесены в деревню, похожую на большую шахматную доску обработанных крестьянскими семьями полей, объединенных в кооперативы. Городские центры насчитывают не больше 10 000 жителей.

Эта вселенская пастораль, нарисованная Чаяновым, — конец революции, который в 1934 г. поставил у власти крестьянскую партию после падения большевиков. «Поколение слабых было засыпано лавиной камней... Новое поколение варваров довело социализм до абсурда», но коммунисты были побеждены, т.к. они захотели ввести национализацию земли в стране, где преобладала крестьянская масса. В плане интернациональном коммунистическое движение разделилось на две части под влиянием центробежной силы. Из всех государств только единственно Германия сохранила в 1984 г. режим 1920-х гг., потому что во чреве капиталистических заводов родился социализм как антитеза капитализма.

В главе, которую Чаянов-Кремнев предназначает «вниманию членов коммунистической партии», он упрекает идеологов рабочего класса в том, что они предъявляют притязание на монополизацию творческой инициативы, что они рассматривают крестьянскую экономику как низшую стадию и что они внедряли свою идеологию методами абсолютизма, что привело русское общество к анархизму. Утопия здесь только басня, которая помогает раскрыть ошибки настоящего, в частности, попытку уничтожить семью (рассматриваемую как пережиток капитализма) и заменить крестьянскую семью единицей большего размера. Идея хлебной и мясной фабрики — «это противоестественно для идеологов крестьянского социализма», т.к. она делает крестьянина пассивным, вместо того чтобы сделать его культурной и духовной движущей силой. Автор показывает себя сторонником плюрализма, который дает возможность широко проявить все свои способности, и планово-экономической системы, которая сохраняет все основные индивидуальные стимулы[71] (цены, вознаграждение): «Экономическая политика есть прежде всего искусство осуществления, а не искусство строить планы».

Этот политико-литературный опыт стремится в основном выдвинуть идеологию, которую можно было бы противопоставить коммунизму и которая уходит корнями в традиционную крестьянскую систему землепользования. И действительно, по своему содержанию идеология, предложенная Чаяновым, является проводником мыслей, заимствованных у [П.А.] Кропоткина с его идеями деконцентрации городов, местной автономией и многообразием круга деятельности, проповедуемым теософами и антропософами, модными в то время. Эта идеология ведет к опытам коммун, вдохновленным анархистами или теософами, которую Кремнев показывает

71. Но Кремнев предусматривает налогообложение, изымающее все доходы, которые не являются плодами труда (земельная рента, дивиденды).

нам в идеализированном виде во время своего визита в «Братство» в Архангельское в 1984 г.

Другими словами, его стремления — это стремления некоторой части русской интеллигенции, стоящей гораздо ближе к космополитизму, чем к крестьянским традициям. Его манера придумывать крестьянскую культуру будущего тоже очень консервативна: ярмарка, блюда, песни, традиционные костюмы не исчезли по истечении 80 лет; выставки живописи — мы находим здесь идеалы школы «передвижников»[72], представления Гамлета, книги по искусству и экзотические фрукты, предназначенные крестьянам в будущих аграрных городах, являются единственными признаками происшедшей перемены. Таким образом, крестьянская культура здесь представляет собой лишь переложение неких буржуазных идеалов.

Воровский, который должен был написать предисловие к этому памфлету, подчеркнул «мелкобуржуазный» характер книги, смешанный с притязанием на художественность, старый крестьянский консерватизм и ретроградное восприятие технического прогресса. Кремнев восхваляет мелкое крестьянское хозяйство и все более и более интенсивное земледелие, в то время как машина должна освободить человека от рабства земли. В то же время Воровский признает, что Кремнев человек культурный и честный. И он не таит зла против него, против его пророчеств о победе крестьянской партии — причуда, без сомнения, которая станет для Чаянова фатальной в 1930 г.

## IX. Модель изолированного государства

Узок путь, который связывает крестьянскую утопию с экономической моделью изолированного государства, появившейся в следующем году и открывшей собой серию работ Высшего семинария сельскохозяйственной экономии и политики[73]. Видение пасторального будущего России, описанного Кремневым, опирается, по существу, на надежное оптимальное равновесие между городом и деревней и на систему интенсификации сельского хозяйства, ключ к которой нам дает «Изолированное государство».

Почему выбрано такое заглавие? Несомненно, изолированное государство — это картина, которая отражает положение совре-

72. Ален Безансон показал связи, которые существовали между народниками и представителями школы «передвижных выставок»: Besançon A. La dissidence de la peinture russe 1860–1922 // Annales. Paris, mars-avril 1962, pp. 150–265.

73. «Опыты изучения изолированного государства» (Труды Высшего семинария сельскохозяйственной экономии и политики. Вып. 1. М., 1921. С. 1–36), некоторые фрагменты этой работы уже публиковались в «Агрономическом журнале» (1915. № 2. С. 42–56) под заглавием «Проблема населения в изолированном государстве».

менной России, но главным образом, как можно догадаться, чтобы отдать долг Тюнену[74]. Но в противоположность Тюнену, исследования которого касаются земельной ренты и влияния цен на размещение, Чаянов интересуется связью между сельским хозяйством и другими, не аграрными кругами деятельности. В то время как до сих пор работы Чаянова рассматривали сельское хозяйство в отрыве от остальной экономики, в данной работе предстоит найти ему место в общей экономике, и особенно принимая во внимание будущие связи России с мировым рынком. Кроме того, предложенный «опыт» должен был помочь определить оптимальные размеры интенсификации для изучения сельскохозяйственного районирования, над которым работали некоторые сотрудники Чаянова[75].

«Опыт изучения» строится на нескольких исходных гипотезах: собственность на землю не существует; территория разделена на пять сельскохозяйственных зон, расположенных концентрически вокруг одного города; каждая из этих зон способна к восприятию 10 ступеней интенсификации производства (это значит, что количество затраты труда на гектар удваивается, утраивается и т. д., но из-за закона убывающей производительности продукция не увеличивается в той же прогрессии). Обмен между городом и деревней лимитируется одним продуктом с одной и с другой стороны. Продукт деревни А — продукт питания и потребность его не эластична, в то время как продукт города Б с эластичной потребностью не подчиняется закону убывающей производительности (продукт увеличивается пропорционально затрате труда). Наконец, расходы на транспортировку продукта А возрастают по мере удаления от города, в случае с продуктом Б они (расходы на транспорт) рассматриваются как несуществующие.

Исходя из этого, автор изучает хронологический порядок (в 21 этап) обработки в различных зонах и степень их интенсификации по мере того, как увеличивается сельское и городское население, учитывая избыточный продукт А, могущий быть употребленным в городе. Отсюда вытекает, что интенсификация позволит пропитать все увеличивающееся население, но пройдя определенный оптимальный порог, продукт А все более и более поглощается сельским населением. Таким образом, возможность городской экспансии и индустриализации понижаются по причине уменьшения избыточного продукта в последних фазах интенсификации.

74. *Johann Heinrich von Thünen*. Der isolirte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie. Berlin, 1875. 3ed.

75. *Книпович Б.Н.* К методологии районирования. М., 1921; *Никитин Н.П.* Сельскохозяйственное районирование Московской губернии / Общая ред. и введ. А.В. Чаянова. М., 1921. Две эти небольшие работы по районированию сельского хозяйства, опубликованные в Трудах института сельскохозяйственной экономии (Вып. 5 и 6), продолжают серию важных исследований организационной школы в данной области: Челинцев (Тамбовская губерния), Бруцкус и Котов (Воронежская губерния), Макаров (Сибирь).

Чаянов также показывает, до какого относительного уровня фиксируются отношения между ценами А и Б и движением населения, которое эти цены вызывает, между деревней и городом, или наоборот, поскольку равновесие уровня жизни между сельскохозяйственным и городским населением еще не достигнуто.

На второй стадии анализа автор ставит вопрос об изменениях в изолированном государстве, если допустить гипотезу частной собственности на землю в условиях капитализма. Доминирующим условием не является на этот раз оптимальное количество населения, а получение самой высокой прибыли с гектара при условии оплачиваемого наемного труда. Допустим, что заработок этого последнего фиксируется для каждой фазы обработки земли на уровне, соответствующем предельному доходу, тому, что получил бы рабочий, если вместо того, чтобы продать свой труд, он приложил бы его на обработку новых земель. Таким образом, можно выделить чистый доход, представленный абсолютной и относительной рентой, присвоенной производителем-капиталистом на разных фазах интенсификации. Доход настолько выше, насколько плата за труд будет ниже; значит, пусть понижается плата за труд крестьянина по мере интенсификации. Наоборот, система, базирующаяся на семейном трудовом крестьянском хозяйстве без найма рабочей силы, должна была бы позволить оптимальную интенсификацию сельского хозяйства, благоприятную с точки зрения плотности населения и с точки зрения увеличения общего национального дохода[76].

Нужно ли говорить, что земельная рента не существует в условиях трудового крестьянского хозяйства. Некоторые экономисты, как Челинцев и Макаров, принадлежавшие к той же «организационной» школе, поддерживали этот тезис, применяя к крестьянскому хозяйству анализ минимума средств жизни, выдвинутый Рикардо для рабочей семьи. Они считали, что доход крестьянской семьи и число хозяйств фиксируется в каждом данном случае на минимальном уровне, как следствие увеличения плотности населения, а доходы остаются пропорциональными затратам семьи. Следуя этой теории, надо было допустить, что крестьянское хозяйство ускользает от законов денежно-торгового хозяйства и, следовательно, механизма формирования ренты. Отсюда до того, чтобы сделать из крестьянского хозяйства систему sui generis (способ производства в марксистском смысле) только один шаг. Сделал ли этот шаг Чаянов?

76. Исследование Чаянова об экономических основах выращивания картофеля (*Чаянов А.В.* Экономические основы культуры картофеля / Труды НИИСХЭ. Вып. 4. М., 1921) является эмпирической проверкой теоретической модели. Поскольку выращивание картофеля является одним из видов интенсивной культуры, которая развивается в районах с высокой плотностью населения, автор стремится проанализировать факторы, определяющие эволюцию этого производства, в особенности картофелеводства для промышленной переработки.

Чтобы ответить на предыдущий вопрос, нам теперь нужно проследить, с чего начал Чаянов свои первые работы о крестьянском хозяйстве. Он начал с урока «Die Lehre...» (1923), затем вышли «Очерки...» (1924), прежде чем перейти к общей теории системы крестьянского хозяйства («Zur Frage...», 1924) и его специфической организации («Организация...», 1925)[77].

Когда Чаянов в 1923 г. вновь берется за переработку своей теории, выдвинутой в 1913 г. на базе Старобельских бюджетных исследований, он должен считаться с более свежими работами, напечатанными после Октябрьской революции[78]. Но эти работы не аннулируют его первые гипотезы, согласно которым концепция классической экономики неприложима к крестьянскому хозяйству.

Таким образом, спор, начатый в конце XIX в., об относительной выгоде крупного и мелкого хозяйства, получает совершенно другой смысл: нельзя больше противопоставлять формы организации хозяйства, совершенно противоположные по существу. Э. Лаур уже пытался доказать это, анализируя связь между движением цен, заработком, платой за землю и размером хозяйства. Чаянов углубляет аргументы Лаура, подчеркивая в «Очерках...», что крестьянское хозяйство подчиняется в вопросах рентабельности присущим ему законам: степень интенсификации сельского хозяйства или самоэксплуатации семейного хозяйства диктуются не желанием получить наибольшую прибыль, а нуждами семьи. Он устанавливает также особую роль, которую играют труд, капитал и земля в крестьянском хозяйстве. Отсюда вытекает особый тип организации и социальных отношений, собственно ей присущих.

В «Очерках...»[79] две главы останавливаются на вопросе о роли машин в крестьянском хозяйстве и на вопросе земельной мелио-

77. *Tschajanow A.* Die Lehre von der baurlichen Wirtschaft: Versuch einer Theorie der Familienwirtschaft im Landbau. Berlin, 1923. — 132 s.; *Чаянов А.В.* Очерки по экономике трудового сельского хозяйства. М., 1924. — 152 с.; *Tschajanow A.* Zur Frage einer Theorie der nichtkapitalistischen Wirtschaftssisteme // Archiv fur Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Tubingen, 1924. Bd. 51, H. 3, s. 577–613; *Чаянов А.В.* Организация крестьянского хозяйства. М., 1925. — III, 215 с. [«Zur Frage...» на русском языке под заглавием «К вопросу теории некапиталистических систем хозяйства» впервые опубликована в кн.: *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М., 1989. С. 114–143. Там же см. комментированное переиздание «Организация крестьянского хозяйства» (С. 194–442). «Die Lehre...» на русский язык не переводилось.]

78. В частности, книга А.Н. Челинцева «Опыт изучения организации крестьянского сельского хозяйства» (Харьков, 1919), основанная на исследовании, проведенном в Тамбовской губернии.

79. Публикация «Очерков» была отложена до 1924 года; ее написанию предшествовало «Die Lehre», которое было опубликовано в 1923 году. Назва-

рации[80]. Чаянов стремится рассчитать, в каких условиях механизированный труд более выгоден, чем ручной для крестьянского хозяйства, и подчеркивает, что методы и критерии, применяемые в капиталистическом хозяйстве, не могут быть здесь применены, так как надо считаться с неравномерным приложением рабочего труда во время года. Например, площадь, которую два работающих человека могут сжать в 10 дней, машина (жатка) может сжать много быстрее, тогда как, наоборот, в мертвый сезон машина (молотилка) не будет нужна, потому что имеет место недостаточная занятость рабочей силы[81]. То же в сельском хозяйстве, которое должно стать более интенсивным, земельная мелиорация будет давать прибыль, в частности поливка, в районах, где вода, а не земля является лимитирующим фактором.

Чаянов анализирует в деталях механизм этой особой ренты, основой которой является вода, в противоположность земельной ренте. Водная рента не является маржинальной (приростной), поскольку она не связана с ситуацией на земельном участке, с другой стороны, когда водная рента поднимается — потому что вода дефицитна, — земельная рента уменьшается, так как плохие земли больше не возделываются. Он делает практические выводы для агронома, в обязанности которого входит определение типа плодопеременных хозяйств, разделение воды по хозяйствам на год и фиксация уровня ирригационных (поливных) вод. Но в особенности он настаивает на том факте, что при расчетах на лимиты земельной мелиорации для крестьянского хозяйства нужно считаться с ценой на землю, а не с предусматриваемым повышением ренты, так как в крестьянском хозяйстве цены на землю или земельную мелиорацию не фиксируются уровнем, который обозначал бы капитализацию, как в капиталистическом хозяйстве. Вот почему наш автор приходит к заключению, что сфера использования земельных мелиораций более широка в крестьянском хозяйстве, чем в хозяйстве капиталистическом.

«Die Lehre...» пытается синтезировать наблюдения над соотношениями и влиянием трех слагающих: труд, земля, капитал в системе организации семейного хозяйства. В капиталистическом хозяйстве земля и капитал[82] являются переменными величинами, которые предприниматель комбинирует так, чтобы получить наибольшую прибыль от капитала (постоянный фактор). В крестьянском же хозяйстве труд пропорционален величине семьи и является

ние («Очерки по экономике трудового сельского хозяйства») было переработано, и в упрощенную версию добавлено предисловие Л.Н. Крицмана.

80. Другие главы не являются новыми; их можно найти в ранее опубликованных книгах или статьях Чаянова.

81. Это явление замечено в России Д.И. Кирсановым в 1900 году в Пермской губернии.

82. Вероятно, опечатка в источнике, должно быть «труд». — *Ред.*

постоянной величиной, от которой зависит увеличение объема капитала и количество земли. Чтобы доказать это положение, автор доказывает: а) что не нехватка земли и капитала заставляет идти на приработки вне хозяйства; б) что капитал играет разную роль в крестьянском хозяйстве и в хозяйстве капиталистическом. Вклад семьи не ограничивается только капиталом, но еще и главным образом трудом. Отсюда вытекает, что то, что в капиталистическом хозяйстве может быть выделено, как доход с капитала, здесь является продуктом потребления семьи. Граница между вознаграждением за труд и доходом с капитала, которая определяется объективно в капиталистическом хозяйстве — этот доход уменьшается настолько, насколько плата за труд становится выше, — в крестьянском хозяйстве имеет лишь субъективную ценность и здесь доход с капитала не отделяется от потребления.

Социальные противоречия особенностей организации крестьянского хозяйства проанализированы более тщательно в «Zur Frage...» и в «Организации...». Первая работа рассматривает эти противоречия под углом зрения макрохозяйства, вторая под углом зрения микрохозяйства. Но и в том и в другом случае концепция ренты является путеводной нитью.

Историческая школа имела ту заслугу, что она умела понять относительность во времени концепции классической экономики, основанной на функциональной зависимости категорий: цена, земельная рента, норма процентов, но она не пробовала разработать теорию некапиталистических систем. «Zur Frage...» пытается освободиться от классической теории, употребив с пользой методы анализа, которые оказались такими плодотворными для семейного хозяйства. Возможно ли разработать универсальную экономическую систему на основе факторов, присущих всем исторически известным системам? Эта «генерализированная» экономическая теория, повторяя удачное выражение проф[ессора] Ф. Перру (F. Perroux), не противоречит ли предварительным теоретическим учениям, описывающим чистые типы по отдельности: натуральное хозяйство, рабовладельческое хозяйство, феодальное хозяйство, коллективное хозяйство? В какой мере и в какой форме категории заработной платы, ренты, прибыли выражаются в каждом из этих способов производства и какова роль экономических и внеэкономических стимулов в каждом из них?

Так, например, если рента не всегда выражается как особый и автономный доход, то факторы, обусловливающие ренту, оказывают неоспоримое влияние на уровень доходов, получаемых семьей (семейная экономика), хозяином (рабовладельческое хозяйство) или сеньором (феодальное хозяйство). В семейном крестьянском хозяйстве выгода, полученная от аренды земли, не подчиняется правилу убывающей продуктивности капитала, и цена арендованной земли не является выражением капитализации ренты, но выражением тяжести приложенного труда для удовлетво-

рения потребности семьи. Этим объясняется, почему стоимость аренды земли тем выше, чем беднее и гуще населен район. В хозяйстве, построенном на рабском труде, рента рабов представляет собой прибыль, полученную рабовладельцем от разницы между ценой раба и расходами на его содержание, и эта рента будет тем больше, чем более цена изъятия продукта будет стремиться к нулю, либо поскольку более или менее мощное плодородие почвы позволит снизить затраты на содержание. Равновесие достигается между полученной предельной продукцией и себестоимостью (стоимостью содержания) предельного раба. В оброчном хозяйстве помещик (seigneur) не должен брать на себя расходы на содержание и воспроизводство человеческого капитала, но он больше не может влиять на количество крепостных, как в случае рабского хозяйства; перенаселенность может понизить жизненный уровень и налог, который крепостному надлежит уплачивать; рента может стать отрицательной, если не случится массового народного выселения для колонизации новых земель. В этих примерах, а также в коллективистской экономике Чаянов подчеркивает важность принуждения для установления того или иного характера использования земли, ирригаций, натурального налогообложения или трудовых повинностей.

Чтобы ответить критике, которую вызвали два очерка, изданные на немецком языке[83], Чаянов нашел нужным опубликовать работу, названную им «Организация крестьянского хозяйства» — новую версию своей теории. Она разнится от прежней работы, если не считать нескольких добавлений к концу главы, лишь последними главами, имеющими отношение к организации крестьянского хозяйства в социальном плане. В предисловии к «Организации крестьянского хозяйства» Чаянов предуведомляет, что, в отличие от прежних позиций, его теория претендует пока только на особую главу из курса организации хозяйства, прославленного немецкого Betriebslehre, которую он собирается писать, а не систему или тип национального хозяйства.

---

83. Чаянов был чувствителен к упрекам А. Вебера, который сожалел в личной беседе, как сообщает наш автор («Организация...». С. 10), что увидел в экономической теории излишние категории монизма; и особенно к критике профессора Августа Скальвейта (Киль), который указал, что наблюдения Чаянова могут быть действительными для описания крестьянской реальности России, но не в случае Германии, они не имели всеобщего значения; крестьянское хозяйство не было типичным для рейнского хозяйства (Reinkultur). Крестьянская экономика для Скальвейта является лишь вариантом капиталистической экономики, поскольку она тесно связана с рынком и подвержена всем влияниям конкуренции (цены, процентные ставки, формируемые на этих рынках). (*August Skalweit*. Die Familienwirtschaft als Grundlage für ein System der Socialökonomik // Weltwirtschaftliches Archiv, vol. 20 (1920), pp. 231–246.) Далее мы изучаем критику, адресованную Чаянову с российской стороны.

Кратко говоря, он признает, что крестьянское хозяйство, так же как капиталистическое хозяйство, входит в макроэкономическую систему, которую автор готов признать системой капиталистической в силу свойственной ей доминирующей роли капиталистических отношений (с. 172). Во всяком случае, поскольку оговорена разница между организацией капиталистического хозяйства и хозяйства крестьянского, небезразлично знать, каково в действительности равновесие этих секторов. С другой стороны, если признать особенности sui generis крестьянского хозяйства в плоскости организации, не нужно ли сделать вывод, что крестьянское хозяйство создает присущие ему социальные отношения? Проблема ренты и различий социальных отношений, отсюда вытекающих, снова встает перед Чаяновым. Он не отрицает наличия ренты в крестьянском хозяйстве. Как и Рикардо, он берет во внимание только дифференциальную ренту[84] и, так же как и Рикардо, он допускает историческую последовательность в системе обработки земли[85], но вслед за [Ф.] Эребо (Aeroboe)[86] он подчеркивает трудность расчета чистого дохода в сельском хозяйстве. В частности, трудность изолирования ренты в крестьянском хозяйстве, в котором могут быть изолированы лишь следующие категории: валовой доход, суммы, затрачиваемые на воспроизводство капитала, содержание семьи, сбережение. Стало быть, лучшее или худшее плодородие земли, так же как более или менее благоприятное положение хозяйства относительно рынка, принесет или понижение материальных затрат и трудовых усилий для получения того же валового дохода, или же повышения этого дохода при тех же материальных затратах и трудовых усилиях, но рента не приносит ни прибыли, ни убытка, как в капиталистическом хозяйстве. Для трудового хозяйства в обоих случаях это будет означать увеличение оплаты единицы труда не в денежном выражении, а натурой, относительной мерой удовлетворения потребностей семьи соответственно мере тягостности труда. Рента в этом случае, стало быть, независима от других экономических категорий, тогда как капиталистическая земельная рента не существует отдельно от рынка. Значит, уровень ренты исчисляется по-разному. В крестьянском хозяйстве оценки меры удовлетворения потребностей и меры тягостности труда субъективны и широко определяются плотностью населения. Вот почему арендная плата на землю или цена земли (капиталистическая рента) повышается настолько, насколько гуще население. Одним словом, ры-

84. Он не говорит об абсолютной ренте или ренте редкости, которая возникает, когда все земли заняты, и даже худшие участки начинают приносить ренту.

85. Работа Кэри (Carey) показала, что этот закон неприменим к аграрной истории Соединенных Штатов.

86. *Aeroboe Fr.* Die Beurteilung von Landgütern und Grundstücken, Berlin, 1921.

ночная конъюнктура не является здесь решающим фактором, как в случае капиталистической ренты. Этим объясняется то, что крестьянское хозяйство смогло победить хозяйство капиталистическое в культурах, интенсивных, как лён, в период падения цен, и почему период низких конъюнктур ведет за собой интенсификацию крестьянского труда, тогда как, наоборот, хозяин-капиталист сокращает свое производство, когда рынок неблагоприятен. Крестьянское хозяйство не считается с нормой процентов на обложение земельных мелиораций или на пользование машинами. Вот почему, согласно Чаянову, потенциальная возможность интенсификации капитала больше в крестьянском хозяйстве, чем в капиталистическом.

## XI. Динамика крестьянского хозяйства и социальная дифференциация в деревне

Чтобы ответить на упреки в том, что он берет крестьянское хозяйство статично, не принимая во внимание динамику социальной дифференциации[87], Чаянов считает нужным уточнить свои мысли на этот счет.

Он никогда не претендовал на то, говорит он, что демографические различия[88] — единственно существующие, но они играют первенствующую роль. Рыночная конъюнктура ускоряет или замедляет социальную поляризацию, которая берет свое начало в демографических различиях. Чаянов подтверждает свою мысль итоговой таблицей динамики крестьянской собственности и динамики состава крестьянской семьи между 1882 и 1911 гг. («Организация...», с. 194). В этой таблице видно, что динамика изменений количества земли в крестьянских хозяйствах недостаточный критерий, чтобы объяснить процесс пролетаризации или проникновения капитализма в деревню. В анализе различных организационных типов обнаруживаются эти изменения (например, в процентном соотношении оплачиваемых рабочих рук). С другой стороны, в СССР этот процесс может быть только очень медленным с тех пор, как национализация земли и раздел крупных владений стали препятствием движению [к] концентрации земельной собственности.

Бюджетные исследования, с которых начал свои теоретические работы Чаянов, возобновились по его настоянию после стабилизации рубля[89]. Направление работ теперь не только организаци-

87. Что для марксистов вытекает в основном из механизма земельной ренты.

88. Иными словами, отличия в положении одной крестьянской семьи от другой связаны прежде всего с размерами семьи: самые многочисленные семьи обрабатывают больше земли, чем другие.

89. Это стало отправной точкой для серии исследований в 1925 году в районах Пензы, Волоколамска; в 1926 году в свекловичных районах; в 1927 году в Ярославской губернии.

онное, предстоит изучить хлебный и фуражный баланс хозяйств[90], степень товарности крестьянского хозяйства и в особенности степень неоднородности социального состава в деревне.

Под председательством А.Н. Челинцева в Институте сельскохозяйственной экономии была создана комиссия с целью изучения методологии этих анкет. Чаянов излагает историю анкетных методов в работе, которая появилась в 1929 г. и была 47-м томом трудов его Института[91].

Официальные анкеты, проведенные между 1920 и 1924 гг., как и [Л.Н.] Литошенко, приняли критерии социальной дифференциации, обозначенные Г.И. Баскиным в работе, посвященной Ставропольской губернии в 1913 г. Баскин различал 17 социальных групп по признакам доходов вне хозяйства, вознаграждения за труд и найма рабочих рук. Молодой марксист В.С. Немчинов, который сотрудничал с чаяновским Институтом, опираясь на анкетные данные, полученные на Урале в 1925 г., пробовал создать другую группировку. Его цель — достичь количественной оценки прибавочной стоимости в каждой группе, он различает их около тридцати, считая подгруппы, исходя из степени независимости или зависимости хозяина по отношению к земле, постоянному капиталу, оборотному капиталу, рабочей силе[92]. Другие молодые сотрудники, также марксисты, пробуют продвинуть этот анализ дальше, высчитывая связь в цифрах, которая соединяет рабочую силу со средствами производства в каждой группе. Эта анкета будет проведена в районе Волоколамска [Я.А.] Анисимовым, [И.Д.] Верменичевым и [К.И.] Наумовым[93] под давлением теоретических предположений [Л.Н.] Крицмана. Но Чаянов, ради объективности и плюрализма, до конца стремился давать свои советы и оказывать поддержку своим молодым сотрудникам. Видно, что последние чувствовали себя неловко перед своим директором, сознавая и пользу его помощи и его превосходство, и в то же время чувствовали себя обязанными поддерживать критику, направленную против Чаянова, становящуюся все более и более острой. Мы увидим, как марксисты упрекают его в том, что он рассматривает крестьянское хозяйство в себе, не считаясь с социальным окружением[94]. Чаянов постара-

90. Этим исследованием, которое сильно зависело от анализа потребительских бюджетов, руководил А.Е. Лосицкий, возглавлявший секцию потребления в Центральном статистическом управлении.

91. *Чаянов А.В.* Бюджетные исследования, история и методы. М., 1929. — 331 с.

92. Работы В.С. Немчинова были подвергнуты критике Л.Н. Крицманом в журнале «На аграрном фронте», 1926. № 2.

93. Опубликована под заглавием: «Производственная характеристика крестьянских хозяйств разных социальных групп» (М., 1927) с предисловием Чаянова и переводом резюме на английский язык В.В. Вильямса (человека, давшего свое имя травопольной системе земледелия, которую недавно критиковали в СССР).

94. Таков упрек Каутского в адрес исторической школы.

ется ответить на это замечание тем, что применит новый анкетный метод, который поможет выяснить различные внешние связи крестьянского хозяйства (значение аренды земли, кредита). Чтобы провести их, он выбирает свекловичные районы, т. е. те, которые больше всего связаны с рынком[95].

Эти теоретические положения вызвали внутри партии политические дискуссии вокруг проблемы социальной эволюции деревни. После потрясения военного коммунизма и кризиса «ножниц [цен]», в первые годы НЭПа советская экономика в конце концов обрела равновесие в ценах, приближающихся к ценам 1914 г. Можно было ожидать, что традиционные фискальные и финансовые механизмы смогут обрести свое стимулирующее влияние на крестьянскую деятельность. В декабре 1924 г. цена на пшеницу была повышена, чтобы увеличить торговлю. С другой стороны, статьи Ленина «О кооперации» (январь 1923 г.) ознаменовали своего рода перемирие с кооперативным движением, к которому большевики относились до сих пор с недоверием.

Различные уступки крестьянству были восприняты более радикальными элементами партии, как возврат к политике поддержки «крепкого» крестьянина. Повышение цен на продукты сельского хозяйства было выгодно только богатым крестьянам, и эти же крестьяне доминировали в кооперативах. [Г.Е.] Зиновьев и [Н.И.] Бухарин, наоборот, предлагали более гибкую, с их точки зрения, политику, и под их давлением в мае 1925 г. прошел декрет, позволяющий крестьянам отдавать землю в аренду. Споры о социальной дифференциации и об отношении к партии были восприняты с обостренным волнением в деревне (убийства селькоров, восстание в Грузии, затруднения со сбором налогов 1925–1926 гг.), создавая новый поворотный момент. Начиная с апреля 1926 г. закончилась политика снисхождения к кулаку.

Эволюция политической конъюнктуры объясняет одновременно успех Чаяновской школы в начале НЭПа и ее затруднения начиная с апреля 1926 г. Борьба, которую Чаянову нужно было поддерживать в последнее десятилетие его научной карьеры, сосредоточивалась вокруг оптимальных размеров сельскохозяйственного предприятия, методов интеграции сельского хозяйства, наиболее благоприятных для ускорения его технического переустройства.

---

95. Анисимов ссылается на рукопись этого исследования в статье: *Анисимов Н.* Обзор систем и разработок бюджетных данных крестьянских хозяйств русскими исследователями // Бюллетень государственного научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономии. 1928. № 1–4. С. 105. Вполне вероятно, что частично она послужила основой для работы Чаянова о себестоимости производства свеклы: *Чаянов А.В.* Себестоимость сахарной свеклы. М., 1928. — 131 с.

## XII. Проблема оптимального размера сельскохозяйственного предприятия

Проблема оптимального размера сельскохозяйственного предприятия присутствовала с самого начала работы Института сельскохозяйственной экономии. В 1922 г. Чаянов публикует свой первый очерк на эту тему в «Проблемах землеустройства» («Труды...», вып. 7). Два последующих издания «Оптимальные размеры земледельческих хозяйств» появятся с незначительными изменениями. Последние издания 1928 г. появятся в тот момент, когда советские руководители как никогда были уверены в пользе больших сельских хозяйств. Позиции Чаянова на этот счет были гораздо осторожнее и шли вразрез с позициями тех, кто пропагандировал пользу больших пшеничных фабрик. По поводу оптимальных размеров предприятий мы вновь возвращаемся к старым спорам о крупных и мелких хозяйствах. Но на этот раз эта проблема рассматривается под количественным углом. Чаянов предупреждает, что его вычисления касаются только капиталистического предприятия. Он исходит из немецкой школы Тюнена, Вернера, Штебеля (Dr. V. Stebel)[96], которая первая пробовала вычислить пределы использования сельскохозяйственного инвентаря в пространстве хозяйства. Сверх некоего оптимального порога, который варьируется от 1 км у Вернера до 3 км у Штебеля, расходы на транспортировку поглощают избыточный продукт, полученный благодаря применению машины. Чаянов раскладывает издержки производства на дальность расстояния: а) постоянные издержки (семена, издержки на домашнее хозяйство); б) уменьшающиеся издержки (амортизация материала); с) издержки, которые увеличиваются с расстоянием, т. е. с увеличением самого предприятия (издержки на транспортировку). В этой последней категории он различает регулярную транспортировку, сезонную транспортировку, частую повторяемость транспортировки во время дня и так далее таким образом, чтобы найти ряд кривых, которые помогут установить оптимальные размеры предприятия. Он приходит к заключению, что эти размеры варьируются в зависимости от культур: 2000 гектаров для хлебных злаков с экстенсивным земледелием, от 800 до 900 гектаров для трехпольной системы, 500–600 гектаров для зерновых культур при интенсивном земледелии, 200–250 гектаров для пропашных культур.

В последнем издании (1928 г.) Чаянов замечает, что изменения цен, которые произошли между 1922 и 1928 гг., мало меняют оптимальные уровни и что, с другой стороны, более низкие сельскохозяйственные доходы позволяют поднять оптимум на более высокий уровень: 3000 гектаров для экстенсивного земледелия, пропаш-

96. *Werner*. Überzeitgemässen Laudwirtschaflsbetrieb. 1904; Stebel V. Einflüss der Grundstückentfernun auf Wirtschaftsaufwand // Frühliugs Landwirtschaft Zeitung, 1909, no 1–2.

ных культур. С другой стороны, для данного хозяйства оптимальные размеры могут быть перейдены, если самые отдаленные поля фермы обрабатываются менее интенсивным способом, чем близлежащие поля. Пересмотр, предпринятый автором, идет по пути более высокого оптимального размера. Он определяет, что расчеты, произведенные для посевных культур, не могут быть перенесены на животноводческие фермы и что его институт занят изучением проблем, выдвинутых разными типами скотоводства (от почти непрерывного стойлового содержания скота — до пастбищного), затраты на перевозку кормов в которых меняются в соответствии с отдельными случаями.

С другой стороны, наш автор хотел бы, чтобы эти методы могли быть использованы для определения размеров сельских населенных пунктов, то есть с учетом особенностей крестьянских хозяйств[97], оптимальные размеры которых меньше, чем у крупных хозяйств. В заключение Чаянов напоминает, что в хозяйстве метод исчисления оптимальных размеров должен быть особым для каждой отрасли хозяйства и что суть проблемы заключается в организации каждой из этих отраслей согласно законам оптимальных размеров. Эта мысль о дифференциальном оптимуме является преобладающей в его работах о кооперации.

## XIII. Учение Чаянова о сельскохозяйственной кооперации и коллективизации

«Основные идеи организации сельскохозяйственной кооперации» восходят к 1919 г. и переиздавались несколько раз (последнее издание относится к 1927 г.)[98]. Они основываются на личном опыте кооперативного движения, которое мы уже описали. Но в последние годы НЭПа тезисы Чаянова подверглись тяжелым испытаниям, так как массовая коллективизация, которая иногда шла под

97. Земля разбита на большое количество полос и участков, инвентарь и поголовье скота используются не в полном объеме, что увеличивает транспортные расходы.

98. *Чаянов А.В.* Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации. М., 1919. — 343 с.; но первые идеи Чаянова восходят к его «Краткому курсу кооперации» (1-е изд. 1915), написанному для Народного университета Шанявского. Только после написания этого исследования мы узнали комментарии А. Гершенкрона: Alexander Tschajanoff's. Theorie des Landwütsehaftlichen Genossenschaftswesen // Vierteljahrschrift für Genossenschaflswesen. Halle (Saule), vol. 8, 1930, pp. 151–166. [Указанная книга Чаянова 1919 года была переиздана при его жизни лишь один раз, причем издание 1927 года имело существенные исправления и измененное заглавие: «Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации».]

видом кооперации, явилась антитезой эволюции, проповедуемой нашим автором.

Согласно его мыслям, горизонтальная концентрация производства, как показывают его работы об оптимальных размерах предприятий, предполагает только ограниченную выгоду в сельском хозяйстве. Наоборот, вертикальная концентрация позволит произвести в сельском хозяйстве революцию, подобную той, какую произвела паровая машина в промышленности. Выгода этой вертикальной интеграции состоит в том, чтобы найти такие условия деятельности крестьянских хозяйств, как интенсивная культура, животноводство, в которых эти хозяйства оказываются более продуктивными, чем хозяйства капиталистические с их требованием технического прогресса, и которая дает преимущество крупным хозяйствам, в таких областях, как механизация или торговля. Сельскохозяйственная кооперация является орудием этой интеграции.

Другое преимущество объединения в кооперативы — возможность перевести сельское хозяйство на технические рельсы и принимать участие при возникновении добровольного движения крестьянства. Надо сохранить, по мнению нашего автора, демократический и добровольный характер кооперации, широко открывая ее двери крестьянству, чтобы сделать из кооперации массовое движение. Только в этом случае кооперация имеет возможность победить. Всякие ограничительные рецепты, которые лимитируют свободу присоединения к кооперативам во имя идеологических принципов, могут только уменьшить стремление к кооперации как массовому явлению. Но с другой стороны, не нужно воспринимать кооперацию как изолированную от организационных сил, которые ее породили, вот почему желание объединить в одном организме потребительскую и сельскохозяйственную кооперацию порочны, так как их интересы не одинаковы. Потому что кооперация — добровольное движение масс, она может гораздо лучше, чем другие производственные коллективные организации (коммуны и артели), которые никогда еще не вносили большого прогресса[99], осуществить преобразование советского сельского хозяйства.

Оговорки Чаянова, касающиеся коллективных сельских хозяйств (коммун и артелей), основываются на том, что система стимулирования в кооперации, которая опирается на мелкое семейное хозяйство, более гибкая, чем в артели. Так как в том случае, когда артель (или коммуна) основывается на идеологической или религиозной базе, которая связывает ее членов и стимулирует труд, несмотря на то что продукция делится поровну между ее членами, идеологическая или религиозная база слишком узка и мешает росту

99. Напомним, что на 1 июня 1929 года, то есть до начала кампании принудительной коллективизации, общая площадь сельскохозяйственных угодий в коллективизированном секторе не превышала 3,9%.

кооперации. В случае, наиболее часто встречающемся, когда никакие идеологические узы не связывают членов коллективного хозяйства, нужно ввести систему вознаграждения, которая наиболее стимулировала бы труд. Таким образом, вновь приходят к системе, близкой к капиталистической, но с той разницей, что единому хозяину будет противостоять коллектив, который не располагает силой принуждения.

С другой стороны, колхоз, в отличие от совхоза, не имеет возможности привлекать рабочие руки со стороны. Он обречен либо на то, чтобы искать у себя дополнительную рабочую силу, если у него имеются такие резервы, либо страдать от недостатка рабочих рук.

Чаянов вовсе не окончательно враждебен всем формам горизонтальной интеграции. Горизонтальная и вертикальная интеграции скорее дополняют друг друга, нежели противопоставляются. Граница горизонтальной интеграции, т. е. желаемый размер предприятия, не идентичны на всех стадиях производства и при всяких системах хозяйства.

Чаянов допускает, что коллективизация могла захватить экстенсивные культуры (зерновые культуры) и пастбища, где процессы могут быть легко механизированы (обработка земли, транспортировка), но она не может давать хороших результатов там, где имеют место биологические процессы (животноводство, интенсивные культуры). В торговой деятельности горизонтальная интеграция приобретает свои преимущества в соответствующих зонах, которые превосходят размеры, свойственные колхозам, как мы это наблюдаем в молочных союзах. Отсюда и происходит идея дифференциального оптимума для каждой отрасли производства, которая затрудняет возможность расчленения звеньев организационного плана производства на разные уровни интеграции. Кооперация наиболее приспособлена к согласованию больших механизированных площадей с торговой деятельностью или к тому, чтобы превращать семейные хозяйства в интенсивные предприятия.

Не имеет смысла настаивать на различиях, которые существовали между только что изложенными положениями и точкой зрения, принятой советским правительством. Надо ли напоминать попытки, сделанные советским правительством взять в свои руки кооперативное движение, контролируемое в начале революции эсерами[100]? Надо ли вызывать в памяти официальные директивы, которые предлагали исключать из кооперативов богатых крестьян, меры принуждения, направленные к коллективизации? Для большевиков кооперация лишь этап в социалистическом преобразова-

100. Декрет 6 августа 1918 года провозгласил обязательное членство в кооперативах, но Ленин выступил против позиции IX съезда партии 1920 года о слиянии рабочих и сельскохозяйственных кооперативов в единый орган (Центросоюз).

нии сельского хозяйства, для Чаянова — это был идеальный компромисс, ведший к согласованию преимуществ мелкого хозяйства и крупной собственности в техническом плане.

## XIV. Новые совхозы и техника будущего

Проблема оптимальных размеров сельскохозяйственных предприятий в последние годы деятельности Чаянова должна была стать основной в Институте сельскохозяйственной экономии, в момент кампании за крупные совхозы. Образование совхозов на базе бывших помещичьих имений, о которых говорил Ленин еще в апреле 1917 г., должно было в 1928 г. занять новые районы, чтобы создать настоящие зерновые фабрики. Эти последние должны были и перерабатывать торговые излишки, получение которых становилось все более и более трудным, по мере того как крестьянство из-за отсутствия стимулов замыкалось в себе.

Последние работы Чаянова касаются совхозов и рассматривают с одной стороны их организацию, с другой — планирование их производства. В одной из статей «Техническая организация зерновых фабрик» (Экономическое обозрение. 1929. № 12. С. 95–101) он пытается ответить на следующие вопросы:

а) В каком районе СССР можно найти 25 млн гектаров земли, на которых возможно создать новые совхозы? Нельзя наступать на традиционные районы уже перенаселенные, значит, следует ориентироваться на периферию крестьянских хозяйств и особенно на районы Волги, Сибири и Казахстана, где, согласно расчетам автора, 12,3 млн гектаров могут быть распаханы или вновь предоставлены под зерно (бывшие залежные земли). Это в некотором роде программа, предложенная за 25 лет до плана Н. Хрущева. Трудность состоит в том, что эти земли расположены в районах с недостаточным количеством осадков и слаборазвитой транспортной инфраструктурой. Среднее расстояние новых предприятий от железнодорожных станций или портов 20–40 км (а иногда и 70 км).

б) Какой тип земледелия лучше всего применить в этих окраинных районах, чтобы обеспечить стабильные урожаи? До сих пор эти земли были предоставлены под пастбища или оставались нетронутыми, так как примитивные крестьянские орудия труда были не в состоянии обработать земли в короткий срок, предусмотренный климатом тех районов. Только трактор и грузовик смогут помочь взять это препятствие, но придется вести тяжелую войну с сорными травами, за сохранение влаги в земле зимой и плодородие почвы, избегая летней засухи и эрозии почвы. Чаянов прекрасно предвидел основные опасности, которые подстерегали залежные земли. Как паллиатив против этих болезней почвы он предлагает американскую сухую обработку: пшеница с последующим годовым паром. Но не все соглашались с этим методом, другие эксперты

предлагали двухпольный севооборот (пшеница-трава), стало быть, более комплексное предприятие, которое давало возможность развития животноводства.

в) Какова степень механизации и оптимальные размеры этих специализированных предприятий? Чаянов провозглашает себя сторонником полной, стопроцентной механизации, чтобы сократить число рабочих рук и увеличить количество культур на большом пространстве: от 10 до 12 тысяч гектаров полезной земли. Мы, стало быть, далеки от лимитов, которые наш автор считал предельными. Он объясняет причины такой перемены. Его предыдущие расчеты, установившие оптимальные размеры в 800–1500 гектаров интенсивных культур хлебных злаков, основывались на работе лошадей и машин, которые должны были каждый вечер возвращаться на ферму, но, если машины остаются в поле и если люди могут возвращаться на ферму в грузовиках, лимиты меняются. Технический прогресс мог позволить создавать предприятия 8–12 тысяч гектаров, таким образом, объединением нескольких предприятий можно было бы получить совхоз от 60 000 до 100 000 гектаров с единым административным управлением. Самым узким местом в этом случае, согласно Чаянову, были не капиталы, а необходимые кадры. Он заключил, высказывая пожелание скорейшего осуществления программы, ускоренного появления специалистов-агрономов и администраторов для обслуживания совхозов.

Среди других проблем, возникших в связи с рождением хлебных фабрик, возникла проблема разработки плана производительности совхозов. Институт на собранном пленуме 16 марта 1928 г. предложил на обсуждение доклад Чаянова по этой теме[101]. Метод составления сельскохозяйственных планов, которые он защищал, до сих пор еще употребляется в советской практике, но его концепция государственных сельскохозяйственных предприятий сильно разнится от современного совхоза.

Чтобы разработать производственный план, наш автор предлагает взять отправной точкой районы, определенные правительством. Эти данные определяют направление производства, и в зависимости от цен и условий рынка вычисляется рентабельность различных направлений производства. Производственный план будет вытекать из выбранного направления. Автор ищет возможность найти равновесие между основной линией производства и дополнительным кругом его деятельности (животноводство, кормовые культуры, продукты питания для рабочих), что, со своей стороны, определит протяженность хозяйства (соотношение используемой пашни к пастбищу), совокупность всех путей сообщения, затра-

101. *Чаянов А.В.* Методы составления организационных планов крупных сельскохозяйственных предприятий в условиях советской экономики // Бюллетень государственного научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономии. 1928. № 1–4. С. 5–14.

ченной на это энергии, количество необходимых рабочих рук, корма, которыми располагает совхоз, определяют количество скота, этот, в свою очередь, количество навоза. Из всего этого выводится степень возможной интенсификации. Интенсификация фиксирует уровень доходов и, наконец, возможности накопления и, стало быть, расширенного воспроизводства. Таким образом, объекты плана цепляются друг за друга, как звенья цепи, отсюда и название — «ведущие звенья», которое получил этот метод в советском планировании, ставший классическим.

Во всяком случае то, как он понимал государственное сельскохозяйственное предприятие, по типу капиталистического, ориентируя производство не только на выполнение плана, но и принимая во внимание критерий рентабельности, навлекло на Чаянова критику некоторых его коллег: К.И. Наумова, В.Н. Лубякова, И.С. Кувшинова (Ук. соч. С. 14).

Известно, что правительство не последовало советам Чаянова и что рентабельность этих предприятий долго была слабой стороной государственного сектора сельского хозяйства.

В самых последних работах Чаянова отмечается достаточно ощутимая ревизия его прежних позиций не только, как мы это видели, относительно оптимальных размеров сельскохозяйственных предприятий, но еще гораздо шире в его общей оценке эволюции советского сельского хозяйства.

Ранние работы Чаянова, послужившие основой его первым теоретическим разработкам, соответствовали условиям русского сельского хозяйства, очень мало тронутого техническим прогрессом. Чаянов тогда не был знаком с революцией, вызванной в сельском хозяйстве трактором, грузовым автомобилем и жатвенной машиной-молотилкой.

В 1929 г. эти новшества, сравниваемые им с революцией, которую внесла паровая машина в промышленность, заставляют полностью переосмыслить агрономическую науку. «При этой перегруппировке, — пишет он, — многое, что считалось до сих пор основным и важным, отходит на задний план»[102]. Теория крестьянского хозяйства была разработана на основе доиндустриальной технической вселенной. «...Защищать дальнейшее существование мелких семейных хозяйств, [хотя бы и кооперировавших свою переработку и товарные связи,] это значит — защищать существование нескольких поколений, обреченных на агонию медленного вымирания»[103]. Это так же нереально, как желание защитить ремесленные мастерские от фабрики в конце XVIII века. Проблема лишь в том, чтобы выяснить, какую форму будет принимать эта неизбежная аграрная

102. *Чаянов А.В.* Сегодняшний и завтрашний день крупного земледелия // Экономическое обозрение. 1929. № 9. С. 40.

103. Там же. С. 50. [Слова, взятые нами в скобки, пропущены в цитате Б. Кербле без обозначения купюры.]

революция в современных условиях. Будем ли мы присутствовать в России при повторении эволюции сельскохозяйственного капитализма в Англии? Советский режим открывает новый путь, путь организованного переустройства крестьянских хозяйств в большие хозяйства, посредством процесса самоколлективизации.

Другими словами, сельскохозяйственная кооперация, которая до сих пор проявила себя только в торговой сфере, сейчас расширит свою сферу деятельности и на производство. *Тогда больше не будут существовать крестьянские хозяйства*, но будут огромные коллективные хозяйства, распространяющиеся на несколько тысяч гектаров. Эти колхозы будут разниться от больших капиталистических хозяйств не организацией и техникой, а социальной стороной. В плановом социалистическом хозяйстве, где государство контролирует все ресурсы, будет возможно избежать социальной катастрофы аграрной революции, которая разрушает рамки прежнего крестьянского сельского хозяйства. Коротко говоря, только при условии сохранения наследия крестьянского опыта и при условии самоколлективизации, без давления извне, Чаянов приветствует новые ориентации советского сельского хозяйства на создание колхозов и совхозов как «единственный реалистический путь развития сельского хозяйства»[104].

Глава, которую пишет Чаянов в 1928 г. для сборника «Жизнь и техника будущего» на тему «Возможное будущее сельского хозяйства»[105], — акт веры в научный прогресс. Он предвидит переворот, который некоторые исследования принесут сельскому хозяйству в более или менее далеком будущем. Перспективы, открытые сельскому хозяйству, лишенному плодородной почвы, благодаря синтезированному белку, добытому на заводах при помощи биологических процессов, описаны так, что в то время могли показаться утопическими. Автор предвидит появление заводов, на которых будут изготовляться предметы питания и синтетические ткани, растения будут употребляться только с декоративными целями, а фрукты только из-за их неповторимых ароматов. Он также предвидит, что человек будет управлять климатом и предугадывать урожаи. Таким образом, его нельзя упрекнуть в том, что он бежит от прогресса.

Наряду с умением смотреть вперед мы находим в этой последней работе целую программу, определяющую направление агрономических исследований в СССР, что лишний раз обнаруживает его глубокое знакомство с особенностями каждого района своей страны. Он подчеркивает значение изучения селекции растений, для того чтобы приспособить каждый род растений к вегетационному

104. Там же. С. 51.

105. Чаянов А.В. Возможное будущее сельского хозяйства // Жизнь и техника будущего: Социальные и научно-технические утопии. М.; Л., 1928. С. 260–285.

циклу, очень короткому в северных районах, различных методов борьбы с засухой в южных районах и т. д. Мы находим перечисление основных трудностей, с которыми встречались советские агрономы в последние десятилетия.

### XV. Попытка синтеза научного вклада, сделанного Чаяновым

Это хронологическое изучение большого охвата мыслей Чаянова приводит нас к выводу, насколько это возможно a posteriori, что все его работы заметно связаны одним стремлением — построения теории крестьянского хозяйства. Логические цепи и основные грани могут быть резюмированы следующим образом.

До начала нашего века аграрный вопрос, спор о котором возникал еще между славянофилами и западниками, затем между народниками и марксистами, рассматривался под углом зрения общественных отношений в сельском хозяйстве. Идеализации традиционной общины и мнению о ее жизнеспособности, которое высказывалось одними, противопоставлялись тезисы о дифференциации и пролетаризации деревни под влиянием капитализма. Организационно-производственная школа, наиболее выдающимся теоретиком которой стал после революции Чаянов, сосредоточивает спор не на общественных отношениях, а на формах организации крестьянского хозяйства. Он пытается доказать, что к категориям и способам производства, признанным Марксом (натуральное и рабовладельческое хозяйство, феодализм, капитализм, социализм), следует добавить еще одну категорию sui generis (особого рода): трудовое крестьянское хозяйство, отличное от капиталистического хозяйства («Zur Frage...»).

Тогда как для марксистов доминантная мотивация крестьянского хозяйства — максимальный доход, что по направлению и стремлению позволяло отнести его к капиталистической формации, Чаянов подчеркивает, что в крестьянском хозяйстве потребление, т. е. удовлетворение потребностей семьи — основная движущая сила. Отсюда он делает вывод, что установление фактора продуктивности крестьянского хозяйства, т. е. способа организации производственной единицы, подчиняется субъективным критериям («Организация [крестьянского хозяйства]»). С другой стороны, сравнение бюджетных данных крестьян и рабочих, как показали бельгийские, немецкие и швейцарские опросные листы, подтвердили, что тенденции потребления различные, что доказывает a contratio специфичность крестьянского хозяйства («Очерки...»).

От анализа различных типов хозяйств и теории крестьянского хозяйства автор переходит к различным системам хозяйства. Классическая теория основывалась на критериях земли, капитала и труда, чтобы характеризовать степень интенсификации сельского хозяйства района, и основывалась на законе убывающей произво-

дительности этих трех факторов, чтобы объяснить общую эволюцию разных систем в сельском хозяйстве. Работы Ф. Эребо в Германии и Э. Лаура в Швейцарии позволили констатировать, что производственное направление хозяйства, т. е. его ведущая отрасль, больше значит для характеристики системы, чем комбинация производственных факторов. Это объясняет преимущество проведения анкетных исследований в отдельных секторах сельского хозяйства в России, где исследования Чаянова по льну, картофелю, хлопку, свекле, ирригации дополняют работы Челинцева и Бруцкуса, написанные в это же время. Но основная заслуга Чаянова — попытка синтеза основных факторов, определяющих эволюцию систем, а отсюда и социальных отношений в сельском хозяйстве.

Тюнен был одним из первых, кто показал определяющее влияние рынка на степень интенсификации сельскохозяйственного предприятия. Интенсификация уменьшается и направление предприятия изменяется по мере удаления от рынка, принимая в расчет затраты на транспортировку, местные цены и скоропортящийся характер съестных продуктов.

Учение Рикардо о земельной ренте, на которое опираются марксисты в своем анализе аграрной эволюции, помогает также рассматривать рынок как существенный фактор. Этим объясняется, что споры между легальными марксистами и социал-демократами о возможностях и признаках развития капитализма в России сконцентрировались на проблеме рынка[106]. Рынок для этих последних должен был играть прогрессивную роль в преобразовании натурального крестьянского хозяйства. Без изменения рынка нельзя было надеяться на значительные изменения в организации хозяйства.

Немецкая историческая школа (Шмоллер) и вместе с ней некоторые русские теоретики, как Челинцев, пытаются доказать, что плотность населения играет более существенную роль в эволюции системы хозяйства, чем рынок. Чаянов, со своей стороны, пытается анализировать связи, которые устанавливаются между плотностью населения и формой организации. Он, однако, идет дальше, чем его предшественники, объединяя («Изолированное государство») эти два фактора: рынок и плотность населения. В натуральном хозяйстве интенсификация диктуется плотностью населения; но для того, чтобы эта интенсификация могла привести к специализации, т. е. к еще большей интенсификации, необходим рынок. Местные рынки могут возникнуть благодаря плотности населения района, но она не в состоянии объяснить появление далеко отстоящих рынков районной специализацией. Стало быть, эволюция сельского хозяйства не определяется единственным фактором и по этой

106. *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России: Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности. 2-е изд. СПб., 1908. [См.: *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 3.]

причине общественные отношения внутри деревни сложны и разнятся друг от друга в разных районах.

Было бы, без сомнения, преувеличением считать, что если сегодня специфика крестьянского хозяйства знакома нам лучше как в плане техническом, так и экономическом[107], то вся заслуга принадлежит исключительно нашему автору. Германский ревизионизм[108], работы исторической школы — каждый принес свои кирпичи для построения этого здания. Но Чаянов захотел выйти из тупика, в который вели, с одной стороны, абстрактные обобщения классических или неоклассических (маржиналисты) теоретиков, с другой стороны, релятивизм исторической школы. Знание различных типов организаций и систем позволили ему протянуть мост между абстрактной теорией и историей.

Нет сомнения, что не все в положениях Чаянова было в одинаковой степени оригинально, но кто сегодня может оспаривать, что его основные положения, внушенные глубоким знанием действительности, могли бы облегчить некоторые преобразования и помочь крестьянству и сельскому хозяйству избежать множества испытаний, через которые им с тех пор пришлось пройти.

Доказательством этому служит то, что с течением времени марксистская советская школа подходит с гораздо большей нюансировкой, а подчас и близко к мыслям Чаянова, которые около сорока лет тому назад ставились ему в вину. В заключение нам кажется полезным напомнить превратности критики, которая имела место в отношении нашего автора.

## XVI. Русская критика теории Чаянова

Среди левых экономистов, не принадлежавших к партии большевиков, С.Н. Прокопович пользовался, по крайней мере, не меньшим

107. R. Barre, ct. Manuel: d'économie politique. Paris, P.U.F., t. 1, 1956, p. 359, collection Themis.

108. «Der moderne Kapitalismus» переведен на русский язык в 1905 году; для В. Зомбарта «разнообразие структур крестьянского хозяйства является наибольшим, потому что единообразие капиталистического мотива уступает место многообразию потребностей и потому, что крестьянское хозяйство может легче уклониться от действия рынка» (*Sombart W.* Apogée du capitalisme, t. II, p. 475). По словам Н. Макарова (Ук. соч.), Чаянов, как ему представляется, перенес тип «докапиталистической» потребительской (ремесленной) экономики Зомбарта на крестьянскую экономику. Однако это утверждение не подтверждается анализом работы нашего автора, который никогда не цитировал Зомбарта. [Говоря о влиянии германского ревизионизма на теорию крестьянского хозяйства в России, следовало бы отметить работы Ф. Герца, Э. Давида и др., которые в начале XX века произвели сильное впечатление на экономистов народнического направления из поколения учителей Чаянова, см.: *Карышев Н.А.* Из литературы вопроса о крупном и мелком сельском хозяйстве. М., 1905.]

влиянием, чем Чаянов. Вот почему реплика Прокоповича в «Крестьянском хозяйстве» на «Очерки» его разочаровала[109]. Она была несоразмерна с притязаниями Чаянова. Работа не содержала новой теории крестьянского хозяйства, это был сборник более или менее логически связанных исследований по различным аспектам крестьянской экономики до революции. Прокопович хотел доказать, что то, что называлось «субъективной» концепцией крестьянского хозяйства, т. е. его существенная мотивация, направленная на потребление (позиция Чаянова), — «не была несовместимой с объективной концепцией», которая считала, что решающими были категорические требования производства (позиция марксистов).

Чтобы установить синтез этих двух течений, Прокопович, так же как и Чаянов, употребил бюджетные данные, устанавливая коэффициенты корреляции, которые обнаруживают, как он считает, соотношения между землей, капиталом и трудом. Он пробует доказать, что факторы производительности, и особенно земля, которой пользуется крестьянин, имеют более сильный коэффициент корреляции по отношению к уровню семейного дохода, чем к числу ртов, требующих питания. Поэтому он отвергает теорию о том, что потребительские потребности определяют размеры крестьянского хозяйства (с. 36). Он не считает, однако, крестьянское хозяйство однородным с капиталистическим хозяйством, но он ставит под сомнение критерий дифференциации, предложенный Чаяновым (с. 41). К несчастью, конструктивная часть его работы грешит употребленным им методом корреляции. Теперь мы лучше знаем опасность применения этого метода.

Также Бруцкус, профессор Аграрного института в Петербурге с 1907 по 1922 г.[110], эмигрировавший в Берлин в то же время, что и Прокопович, занимает в своем труде по экономике сельского хозяйства[111] среднюю позицию между Чаяновым и марксистской школой: крестьянское хозяйство «предназначено удовлетворить потребностям хозяйствующей семьи и вообще извлечь наибольший доход из земли на основе наилучшего использования труда хозяина и его семьи»[112].

---

109. *Прокопович С.Н.* Крестьянское хозяйство. Берлин, 1924. — 246 с.

110. Б.Д. Бруцкус преподавал на Петербургских (Каменноостровских) сельскохозяйственных курсах, которые после революции трансформировались в Петроградский сельскохозяйственный институт. — *Ред.*

111. *Бруцкус Б.Д.* Экономия сельского хозяйства. Народнохозяйственные основы. Берлин, 1923. — 360 с. [Пг., 1924. С. 205] Челинцев приветствовал эту книгу в качестве первого крупного трактата, сожалея о том, что многочисленные и ценные работы Чаянова не образуют полноценного курса.

112. В вопросе о преимуществах кооперированного мелкого хозяйства Бруцкус присоединился к Чаянову; подобно ему, он был знаком с теориями предельной полезности и производительности. В анализе динамики социальной эволюции позиции Прокоповича и Чаянова также идентичны (*Прокопович С.Н.* Крестьянское хозяйство. С. 157–192).

Работы Чаянова, появившиеся после «Die Lehre...» (1923), имели лишь малый отклик в среде русских эмигрантов, где находилось некоторое количество его прежних друзей ([А.А.] Чупров, [В.А.] Косинский). Напрасны поиски хотя бы одной заметки в журнале, издаваемом в Праге под заглавием «Вестник крестьянской России» под редакцией С. Маслова.

Только в недрах Института сельскохозяйственной экономии, где директором был Чаянов, нужно искать отзвуки дискуссий, возникших в связи с несогласием с положениями Чаянова его ближайших сотрудников. Например, Г.А. Студенский в своей работе о земельной ренте, напечатанной в этом институте[113], нападает на концепции своего директора на этот счет. Следует напомнить, что Чаянов, не отрицая существования ренты в крестьянском хозяйстве, считал, что она не изолирована от общего дохода, получаемого от работы крестьянской семьи. Студенский пытается предложить метод, который позволил бы высчитать ренту в крестьянском хозяйстве, согласно работе [А.Л.] Вайнштейна об арендных платежах[114].

Его цель состоит в том, чтобы прийти к принципам такой налоговой политики, которая позволяет изымать ренту, оставляя нетронутым вознаграждение за труд и капитал[115]. Вместе с Чаяновым он желает во всяком случае, чтобы благодаря земельному налогу механизмы рынка могли играть роль стимуляторов интенсификации сельскохозяйственного производства без того, чтобы привести его в расстройство.

Позднее, в 1928 г. вопрос ренты снова встанет в дискуссиях Института по поводу закона убывающей производительности в сельском хозяйстве (Челинцев выступит против Чаянова, который примет точку зрения марксистов). Но именно проблема социально-экономической дифференциации крестьянства вызвала самый большой взрыв в стенах Института и спровоцировала, по словам [М.В.] Сулковского[116], настоящий раскол в недрах «организационной» школы в 1927 г. Макаров и Кондратьев придерживались того взгляда, что социально-экономическая дифференциация в деревне прогрессивна, так как она развивает производительные силы крестьянства, в то время как Чаянов, поддерживаемый Челинцевым, берет под сомнение это утверждение и не признает прогрессивного характера развития «капитализма» в крестьянском хозяйстве,

113. *Студенский Г.А.* Рента в крестьянском хозяйстве и принципы его обложения / Труды НИИСХЭ. Вып. 15. М., 1925. — 113 с.
114. *Вайнштейн А.Л.* Обложение и платежи крестьянства. М., 1924.
115. Чаянов решает эту же проблему в работе «Сельскохозяйственная таксация» (М., 1925. — 186 с.).
116. *Сулковский М.* Эволюция и распад неонародничества // На аграрном фронте. 1929. № 11–12. С. 84.

предпочитая сельское хозяйство, основанное на мелком крестьянском хозяйстве, организованном в кооперацию[117].

Оппозиция партийных марксистских теоретиков положениям Чаянова обнаружилась очень рано (мы уже указывали на предисловие к «Ивану Кремневу»). Автор сам перечислил во введении к «Организации» основные аргументы, выставленные марксистской школой против его теории крестьянского хозяйства.

1. *Метод, используемый Чаяновым*, немарксистский. Чаянов рассматривается как эпигон австрийской школы маржиналистов. Маржиналистская теория основана на преобладающих рыночных ценах, и ценность субъективно оценивается в соответствии с потребностями. Но для марксистов цены — это только переменные, определяемые уровнем производственных сил и изменяющиеся в зависимости от производительности труда[118], а ценность, наоборот, имеет объективное содержание. Крицман, в частности, ставит Чаянову в вину (предисловие к «Очеркам», 1924 г.), что он не принимает во внимание материальные производительные силы как фактор развития крестьянского хозяйства. [Г.] Меерсон продолжает[119]: значение деятельности измеряется трудом и средствами производства (а не только трудом), потому что средства производства распределяются неравномерно и происходит перераспределение самой рабочей силы, как это показал Маркс во «Введении к политической экономии».

2. *Крестьянское хозяйство берется как статическая величина*, независимая от окружающей его среды. Школа Чаянова как будто не замечает, что крестьянское хозяйство борется с капитализмом и становится жертвой социально-экономической дифференциации. «Развитие капитализма в России» служит образчиком для советских марксистов, чтобы иллюстрировать разложение крестьянства. По их словам, Чаянов смешивал середняков и кулаков в одну группу (владеющих более чем 15 гектарами), тогда как дальнейшее деление крестьян по размерам хозяйства показало бы, что аренда земли и применение наемного труда чаще встречаются в хозяйствах с 25 гектарами и более. С другой стороны, в этих категориях численность семьи увеличивается гораздо быстрее, чем в тех хозяйствах, из которых работники должны уходить на отхожие промыслы из-за недостатка земли.

Неверно утверждать, что мелкое хозяйство благодаря своим специфическим преимуществам может бороться с капиталистиче-

117. Мы знаем эту дискуссию лишь в общих чертах по цитатам, используемым партийными теоретиками в их нападках на школу Чаянова.

118. *Гордеев Г.* Рец. на И.Г. Тюнен «Изолированное государство» // На аграрном фронте. 1927. № 4. С. 162–171.

119. *Меерсон Г.* Семейно-трудовая теория и дифференциация крестьянства на заре товарного хозяйства (статья 1) // На аграрном фронте. 1925. № 3. С. 33–52.

ским хозяйством. Это рассуждение, которое строится у Чаянова на предположении одинакового технического уровня этих двух секторов, опровергается действительностью. Капиталистические предприятия владеют более высокой техникой и получают более высокую прибыль. Неспособность мелкого хозяйства использовать технический прогресс или недоиспользование инвентаря, на которое оно осуждено в силу своих размеров, является подтверждением противоречия между этой социально-экономической формой и производительными силами[120]. Так же точно во имя технического прогресса партийные теоретики опровергали теорию «оптимальных размеров» нашего автора, ставя ему в упрек игнорирование зависимости эволюции оптимальных размеров от этого прогресса и неумение различать оптимальные размеры предприятия от оптимальных размеров обрабатываемых земель[121].

3. *Чаянов идеализирует крестьянское хозяйство*, наделяя его благожелательной мотивацией. Реальность показывает, что психология крестьянина не отличается от психологии предпринимателя. Идеализация черт мелкой буржуазии служит оправданием для защиты кулака[122]. «Неонародничество» продолжает идеологию, которую породила Столыпинская реформа, предлагая «американский» путь развития, т. е. без революции. Говоря иначе, своими положениями Чаянов стремится кристаллизировать крестьянское хозяйство при помощи кооперации и помочь более эффективным элементам крестьянства, понимаемым им как «прогрессивные» течения[123].

Школа в некоторой степени приняла дореволюционные положения социал-демократов, которые рассматривали развитие капитализма в сельском хозяйстве как неизбежное, даже желательное при переходе к социализму. Но в этом неонародники остаются на положениях народников, они продолжают считать, что крестьянское хозяйство способно прийти к социализму без насильственной коллективизации и что образование больших производственных кооперативов не имеет будущего, за исключением некоторых районов, в которых механизированное на 100% экстенсивное сельское хозяйство окажется возможным.

120. См. предисловие Крицмана к изданию «Очерков [по экономике трудового сельского хозяйства]» 1924 года.
121. *Сулковский М.* Рец. на А.В. Чаянов. Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий // На аграрном фронте. 1928. № 4. С. 145–149.
122. Упрек, нацеленный в большей мере на Кондратьева, чем на Чаянова (*Верменичев И.* Классовое расслоение крестьянства и классовые позиции буржуазных и мелкобуржуазных теоретиков // На аграрном фронте. 1927. № 4. С. 78–87).
123. *Сулковский М.* Эволюция и распад неонародничества // На аграрном фронте. 1929. № 11–12. С. 76–96.

С момента ликвидации правого уклона в недрах партии[124] разрыв между Чаяновым и его противниками становится непреодолимым. Критика, которая вначале была сравнительно дружественная, становится нетерпимее, начиная с 1929 г. Она становится политической, и Чаянов обвиняется в 1930 г. в контрреволюционных действиях[125].

## XVII. Актуальность Чаянова и эволюция общественных наук в СССР

Идеи Чаянова его пережили, и многие вопросы, поставленные в 1920-х годах нашим автором, получают сейчас новое освещение. Было бы, без сомнения, преувеличением предполагать, что с политической стороны официальная точка зрения изменилась. Также было бы несправедливым не признать ощутимую эволюцию советских положений с точки зрения научной, как в исторических исследованиях, так и в сфере сельскохозяйственной экономики.

Самые интересные исследования молодой школы советских историков, касающиеся проблемы аграрного развития России в XX в.,

124. *Куликов П.* Оппортунистическая путаница о совхозах // На аграрном фронте. 1931. № 1. С. 136. Но Николай Бухарин опровергал свою принадлежность к этим «мелкобуржуазным рыцарям, «защищающим» сельское хозяйство от всяких долевых отчислений в пользу индустрии, [которые] стоят... на точке зрения увековечения мелкого хозяйства, его убогонькой техники, его «семейной» структуры, его узенького культурного горизонта... Идеологи мелкобуржуазного консерватизма не понимают, что развитие сельского хозяйства зависит от индустрии» (Заметки экономиста // Правда. 30 октября 1928). [*Бухарин Н.И.* Избранные произведения. М.: Политиздат, 1988. С. 399–400.]

125. «Группа буржуазных и мелкобуржуазных ученых в СССР типа Кондратьева, Юровского, Дояренко, Огановского, Макарова, *Чаянова*, Челинцева и др., с которыми блокировались Громан, Суханов, Базаров и др., олицетворяла собой антимарксистское направление в области сельскохозяйственной экономии. Это — «последние могикане» буржуазной, мелкобуржуазной, всевозможных оттенков народнической идеологии в области аграрного вопроса. В настоящее время вся эта группа разоблачена как руководящая верхушка контрреволюционной, вредительской организации, прямой своей задачей поставившей свержение советской власти...» (*Верменичев И.* Буржуазные экономисты как они есть (кондратьевщина) // Большевик. 1930. № 18. С. 38). По мнению того же автора, эта организация намеревалась замедлить темпы роста сельскохозяйственного производства и содействовать развитию капиталистических элементов в сельских районах. Эти ученые были бы вдохновителями правого уклона, который стремился изменить линию партии в направлении буржуазной идеологии. Эти обвинения основаны на «признаниях» профессора Каратыгина, который, как утверждается, признал, что участвовал в организации с целью торпедировать снабжение рабочих (Там же). Следовательно, этим ученым вменялись в вину трудности в сборе урожая, но в отсутствие публичного судебного разбирательства обвинения, которые были выдвинуты против Чаянова, неизвестны.

выражаются в анализе развития капитализма в русском сельском хозяйстве перед революцией и социального состава русской деревни после нее. Не входя в детали дискуссии, далеко еще не оконченной[126], у некоторых историков, как А.М. Анфимов[127], можно констатировать желание углубить изучение экономических форм в русском сельском хозяйстве в начале XX в., которое переходит границы ленинских работ. Применяя более тонкие критерии и отмечая различные районы эволюции[128], он стремится, с одной стороны, отделять крупное (помещичье) капиталистическое хозяйство от крестьянского хозяйства и, с другой стороны, выделить в высших слоях крестьянства группы, которые переходят к капитализму, используя наемную рабочую силу, в отличие от тех, кто не пользуется наймом рабочей силы. Таким образом, в конечном итоге он стремится уменьшить значение аграрного капитализма.

Также более свежие исторические работы, касающиеся социальной структуры российской деревни 1920-х годов до коллективизации, имеют тенденцию подчеркнуть значение *среднего* крестьянства. И. Малый цитирует речь Ленина на X съезде партии (1921 г.): «Крестьянство стало гораздо более средним, чем прежде, противоречия сгладились, земля разделена в пользование гораздо более уравнительное... данные статистики указывают совершенно бесспорно, что деревня нивелировалась, выравнилась т. е. резкое выделение в сторону кулака и в сторону беспосевщика сгладилось. Все стало ровнее, крестьянство стало в общем в положение середняка»[129]. Тот же автор упоминает работу В.[С.] Ястремского[130], который показывает очевидность корреляции между разме-

126. *Рубинштейн Н.Л.* О разложении крестьянства и так называемом первоначальном накоплении в России // Вопросы истории. 1961. № 8; Он же. О мелкотоварном производстве и развитии капитализма в России XIX века // История СССР. 1962. № 4. С. 66–86; *Ковальченко И.Д.* Об изучении мелкотоварного уклада в России XIX века // История СССР. 1962. № 1. С. 74–93; *Рындзюнский П.Г.* О мелкотоварном укладе в России XIX века // История СССР. 1961. № 1; *Яцунский В.К.* Еще к вопросу о возникновении капиталистического расслоения земледельческого крестьянства в дореформенной России // История СССР. 1963. № 1. С. 119–141; *Анфимов А.М.* О мелком товарном производстве в сельском хозяйстве пореформенной России // История СССР. 1963. № 2. С. 141–160.

127. *Анфимов А.М.* К вопросу об определении экономических типов земледельческого хозяйства // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961. С. 362–379.

128. Анфимов использовал Старобельские бюджеты 1913 года, так же как и потребительскую концепцию крестьянского хозяйства (Ук. соч. С. 367), но Чаянов не был назван. [В переводе О.Э. Гуревич это примечание было перемещено в основной текст статьи.]

129. *Малый И.* Вопросы аграрной статистики в послеоктябрьских трудах В.И. Ленина // Вестник статистики. 1964. № 4. С. 16.

130. *Ястремский Б.* Связь между элементами крестьянского хозяйства в 1917 и 1919 гг. // Вестник статистики. 1920. № 9–12. С. 51–53.

рами хозяйства и составом семьи. Вот еще одно из основных положений Чаянова, которое всплывает на поверхность.

Исследование социальной структуры советского сельского хозяйства В.[Н.] Яковцевского[131] в 1921–1925 гг. также подчеркивает роль середняка, помещенного в рубрику не капиталистического, а «мелкотоварного хозяйства». Отсюда до того, чтобы считать крестьянское хозяйство специфической категорией, — один шаг.

Кажется, этот шаг был сделан экономистами. Действительно, недавно вышедший «Курс политической экономии», изданный Московским университетом под редакцией Н.А. Цаголова (2 тома, 1963 г.), содержит в главе о земельной ренте целый параграф, посвященный ренте в крестьянском хозяйстве (т. 1, с. 452), в которой некоторые фразы легко могли быть подписаны Чаяновым. «Мелкотоварное крестьянское хозяйство не имеет в качестве побудительного мотива возрастание стоимости, условием его функционирования не является получение средней прибыли, регулирующая цена крестьянского хозяйства не обязательно должна быть равна цене производства. В крестьянском хозяйстве нет издержек производства (c + v): оно не покупает рабочей силы. Новая стоимость, прибавляемая трудом крестьянина, не распадается на какие-либо части, ибо здесь нет оплаченного и неоплаченного труда. И тем не менее, поскольку господствует капиталистический способ производства, категории капиталистического хозяйства условно могут быть применены и к крестьянскому хозяйству»[132]. Говоря иначе, как будто допускают, что крестьянское хозяйство отличается от капиталистической формы производства и что употребление капиталисти-

131. В сборнике, изданном под редакцией И.А. Гладкова, «Советское народное хозяйство в 1921–1925 гг.» (М., 1960. С. 267–380). В другом сборнике, «Построение фундамента социалистической экономики в СССР. 1926–1932» (М., 1960), тот же В. Яковцевский приводит следующие статистические данные в поддержку своего тезиса (Построение... С. 272):

| Динамика социальной эволюции в деревне, % | | |
|---|---|---|
| Группы | Перед революцией | 1928–1929 |
| Бедняки | 65 | 35 |
| Середняки | 20 | 60 |
| Кулаки | 15 | 5 |

Автор добавляет: «Наша статистика не дает обобщенных сведений о распределении посевных площадей, урожайности, валового и товарного продукта по основным социально-экономическим группам крестьян. ...Один показатель — размер посевной площади — не определяет принадлежности крестьянского хозяйства к той или иной социально-экономической группе...» (Советское народное хозяйство в 1921–1925 гг. С. 274).

132. Курс политической экономии: в 2 т. / Под ред. Н.А. Цаголова. Т. 1. М., 1963. С. 452.

ческой концепции [концептов теории капитализма] в этом случае может быть только условным.

В советской экономике сегодня более решительно отдается предпочтение математическим методам, благодаря работам [Л.В.] Канторовича, [В.С.] Немчинова и [В.В.] Новожилова понятия редкости и маржинального расчета видоизменяют или подрывают как марксистскую теорию стоимости, так и практику экономического выбора. В этой ревизии, противоречия которой перерастают область сельскохозяйственной экономии, интересно отметить роль, которую играют прежние сотрудники Чаянова: вышеупомянутый В.С. Немчинов и А.Л. Вайнштейн, который сейчас работает в Экономико-математическом институте Академии наук[133].

Применение маржинального расчета к сельскому хозяйству вновь ставит проблемы оптимальных размеров предприятий и локализации производства, которые волновали Чаянова в 1920-х годах. Знаменательно, что работы, недавно осуществленные в этой области[134], повторяют некоторые работы нашего автора. Так, И.А. Бородин, чтобы вывести размеры хозяйства, прибегает, улучшая их, к выводам Чаянова в его статье о совхозах (Экономическое обозрение. 1929. № 12): «Вопрос об оптимальных размерах совхоза и его подразделений решается одновременно с вопросом о правильном размещении отделений, ферм по территории совхоза»[135]. Что касается оптимальных размеров подразделений совхозов, они варьируются согласно типам культур: 2500–3000 гектаров для районов Поволжья, 100–120 гектаров (Северо-Запад) — 300–400 гектаров (Центральный район) для интенсивных культур (овощи). Мы находим параметры, схожие с теми, которые предлагал Чаянов в 1922–1928 годах.

Эта эволюция общественных наук в СССР, в областях, более или менее близких крестьянскому хозяйству, не говорит, конечно, о том, что официальная политика как-то изменилась. Обоснованность коллективизации и борьбы с кулаками не ставится под сомнение. Только темп преобразований и методы, практиковавшиеся Сталиным, сегодня строго осуждаются некоторыми историками, которые занимаются историей этого периода[136]. Вот почему нам

133. В оригинале: в Бюро эконометрики и экономических моделей. — *Ред.*

134. О применении линейного программирования к разработке плана регионального распределения производства см. работу А.Г. Аганбегяна, В.С. Михеева и И.Г. Попова в издании: Проблемы оптимального планирования, проектирования и управления производством: Труды теоретической конференции, состоявшейся на экономическом факультете МГУ в марте 1962 г. М., 1963. С. 373–409.

135. Об оптимальных размерах совхозов // Вопросы экономики. 1963. № 12. С. 50. См. также: Вопросы рациональной организации и экономики сельскохозяйственного производства. М., 1964. С. 261–328.

136. В.П. Данилов и Н.А. Ивницкий в книге «Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках» (Сборник статей / Под ред. В.П. Данилова М., 1963. С. 3–67).

кажется, что назрел вопрос о реабилитации Чаянова, даже в том случае, если некоторые вопросы, поставленные им, решаются сегодня другими путями.

Не является ли жизненность некоторых его идей лучшим проявлением признательности, которую можно было бы оказать сегодня Чаянову? Несмотря на то что во многих случаях наш автор отдавал предпочтение традиционному крестьянскому хозяйству, а не индустриальной агрикультуре завтрашнего дня, труды Чаянова помогают понять проблемы, которые ставила природа русского крестьянского хозяйства в период, предшествовавший коллективизации, в особенности его работа по «организации крестьянского хозяйства», представляющая собой перекресток эволюции аграрной мысли его страны, мимо которого невозможно пройти.

Базиль Кербле

Париж, 1964

## A.V. Chayanov. Evolution of the Russian agrarian thought from 1908 to 1930: At the crossroads

Basil Kerblaye

Alexander Chayanov is a well-known scientist to the generation of agronomists and economists who immediately after the Stolypin reform and before collectivization took the responsibility for rebuilding the traditional peasant economy in a new way and for creating personnel for this new agronomy. However, the name of Chayanov was almost forgotten both in the USSR and in the West. We decided to devote several pages to his memory not only because the works of Chayanov (sixty books and brochures not to mention many journal articles, dozens of studies and speeches on agronomical issues in Russia in the era of revolution) are theoretically and practically mature, but also because, as Daniel Thorner showed, the questions that Chayanov raised 30 years ago are still relevant for developing countries with the dominant peasant economy. Even in the USSR, as we see in the conclusion of the article, the problems identified by Chayanov have not been solved yet. Thus, Chayanov's thoughts are a crossroads for meeting of historians and researchers of Slavic countries who study the development of agrarian thought in Russia in the early 20th century. Economists and sociologists will find in the Russian experience both theory of peasant economy and answers to specific questions.

*Key words:* A.V. Chayanov, rural Russia, peasant studies, interdisciplinary research, agrarian policy, Russian revolution, collectivization.